

Михаил Пинский

РЕКА ВРЕМЕНИ

История одного оператора

Михаил Пинский
Река времени. История
одного оператора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37396819

ISBN 9785449338259

Аннотация

Герой повести Виктор – оператор Института времени из будущего. Виктор перемещается в прошлое, в различные его века и эпохи, и везде его ждут приключения. Иногда смертельно опасные. Но Вик не «слепой искатель приключений». И рискует жизнью он не ради «минутной славы». Оказавшись в параллельном мире лицом к лицу с фашистами, Виктор, не дрогнув, принимает сторону борющегося с фашизмом планетарного сообщества. Он может остаться в это мире, но дома его ждёт ЛЮБОВЬ. Её имя Елена.

Содержание

Часть Первая	6
Предисловье	7
1	12
2	14
3	21
4	26
5	31
6	34
Глава первая. Старинный блокнот. 1991 год.	38
Москва. 1.1	
1.2	52
1.3	61
Глава вторая. 1812 год. Князь	66
2.1	69
2.2	72
2.3	83
2.4	86
2.5	90
2.6	92
2.7	95
2.8	101
2.9	104
2.10	106

2.11	110
2.12	113
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Река времени

История одного оператора

Михаил Пинский

*Река времён в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей*
Г. Р. Державин

*Уж так устроен мир – не отмотать столетья.
Обратно в облака тот прошлогодний снег
Не всыпать. И рубец не лечат той же плетью....*
Франсуа Вийон

*О, вспомни: с Временем тягаться бесполезно;
Оно – играющий без промаха игрок. Ночная тень
растёт, и убывает срок
В часах иссяк песок, и вечно алчет бездна*
Шарль Бодлер

© Михаил Пинский, 2018

ISBN 978-5-4493-3825-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть Первая

Предисловье

...Вдруг, мы услышали нарастающий рокот, переросший через короткое время в шум работающих двигателей.... Неужели «вертушки»*?.. Они, «родимые». Их оказалось много. Очень много. Вертолёты заполнили всё пространство перед пещерой, но оставались на безопасном от «тепловух*» расстоянии.

Я метнулся к пулемёту и всадил несколько длинных очередей в одну из них, стараясь попасть в двигатель, по винту или в слабобронированные зоны «вертушки». Одна из очередей достигла цели. Броневая защита не выдержала шквального огня. Двигатель, буквально разнесло, и вертолёт рухнул вниз под восторженный вопль всей нашей группы. Хорошо, что я захватил пулемёты. А эта наивная девчонка хотела оставить их внизу. Дескать: вес пулемётов не позволит группе быстро подняться с ними на гору. Да, вес, конечно серьёзный.... Только эти монстры выпускают из четырёх стволов четыре тысячи смертоносных посланий в минуту....

«Вертушки» ударили по пещере из крупнокалиберных пулемётов и скорострельных пушек. Мы залегли. Я автоматически отметил, что стреляют не вглубь пещеры, а рядом. И ни одной самой завалящей ракеты. Скорее всего, фашисты хотят взять группу живьём, а это значит, они имеют конкретные представления о нашей группе, её количественном

составе.

– Вик, что ты надел!?! – Закричала на меня разъярённая Елена. – Может быть, они нас не заметили бы.

– Что ты девочка говоришь!?! – Разозлился я. – Думаешь, они такие придурки. Или, может быть они сюда *приканали** что бы тебя на бал пригласить. Тоже мне Золушка. Они прилетели по наши души. И не обследовав пещеру, взяв или ликвидировав нас, отсюда не уйдут.

– Леночка, Вик прав. – Неожиданно поддержал меня Эд. – Надо готовиться к бою.

Группа рассредоточилась, держа вход под плотным огнём. Я залёг со своим пулемётом справа от входа, Эд со своим слева. Рядом с

*– *необходимые пояснения в конце текста*

нами и чуть в глубине, прикрывая нас с Эдом, залегло несколько

бойцов, и я подумал, что ребята не совсем *лохи**, тактику ведения боя

понимают. Остальные бойцы расположились в глубине пещеры.

«Вертушки» не уходили. Они на приличной скорости проносились мимо входа, и я злорадно подумал, что они бояться нас. Время от времени «вертушки» открывали огонь. Так проходила минута за минутой, и это начинало раздра-

жать. Да, в настоящий момент мы оставались в относительной безопасности, но было совершенно очевидно, что Чёрные Рыцари отсюда не уйдут. Вероятнее всего, они ждут десантную группу. А если это так, скоро должна начаться операция по нашей нейтрализации.... Ну что же, посмотрим кто кого....

Штурм начался неожиданно. Сначала небо прорезали вспышки световых ракет. За несколько секунд всю площадку перед входом в пещеру заполнили огромные десантники. Но мы не *слоховали*, отреагировали вовремя, плотным огнём отразили нападение и в буквальном смысле слова смели первую волну нападавших с площадки. Особенно страшный урон наносили наши с Эдом крупнокалиберные пулемёты, от мощных пуль которых фашистов не спасала их хваленая броня, рассчитанная в основном на тепловое оружие. Беспощадные пулемётные пули буквально разрывали тела штурмующих в клочья.

Под прикрытием моего пулемёта Эд умудрился послать несколько точных очередей в зависший над нами десантный крейсер. Сдетонировал навесной ракетный боекомплект крейсера и аппарат разлетелся вдребезги. Площадку перед входом завалила груда развороченных обломков и множество обгорелых и обугленных человеческих тел. Стоял такой невыносимый запах обгорелых человеческих останков, что нам пришлось, что бы ни задохнуться, рискуя оказаться за-

валеными огнём с «вертушек» спешно расчищать площадку перед входом в пещеру. Фашисты не замедлили этим воспользоваться. Несмотря на всю осторожность, мы потеряли несколько ребят и оказались в опасном положении – ещё одной атаки наша группа могла не выдержать....

Сначала была яркая вспышка. Потом чудовищный грохот.... И всё кончилось.

Когда я очнулся, пещера исчезла. Кровь горячими гудящими волнами пульсировала, раскалывая голову на множество обжигающих нестерпимой болью осколков. Всё тело невыносимо болело и ломило. И эта боль разрывала, казалось каждую молекулу, каждый атом обожжённого и израненного тела.

Я лежал прикованный наручниками к металлическому каркасу нар в крохотном, едва освещённом пространстве, напоминающем скорее могильный склеп, нежели тюремную камеру. Какое-то время я пытался освободиться от наручников, но скоро оставил это бессмысленное занятие.

Где ребята, Эд, Елена? Что с ними? Живы ли они?..

Время остановилось. В этой мрачной темнице оно словно сделалось чем-то совершенно не нужным и, даже, бесполезно-

бессмысленным символом существования всего живого.

В этой камере реальность заканчивалась. Где-то в другом мире, в другой реальности пролетали минуты, проходили часы, протекали сутки, а здесь царствовал бесконечный временной ноль....

Время от времени камера исчезала, и я проваливался в иногда яркие красочные солнечные сладостные, иногда мрачные тревожные, иногда страшные воспоминания....

1

Подмосковье. 1991 год

Солнце исчезло. Его поглотила мрачная чёрная туча, стремительно налетевшая с запада. Стало темно. Яростный ветер остервенело закружил в бешеном хороводе дорожную пыль, листья и мусор. Под его мощными неукротимыми порывами надсажено кряхтели вековые дубы, тополя и липы. До земли покорно изгибались и жалобно стонали молодые деревца в крестьянских дворах.

Кадр рассыпался. Пропали глубина планов и перспектива пространства.

Лес дальнего плана, ещё каких-то пару минут назад оттенявший бесконечное величественное лазоревое небо живописной причудливой сине-зелёной волной пожух, потемнел, стал плоским, недопустимо приблизился, навалился на второй план, скомкал и поглотил его.

Поле среднего плана: спокойное величественное переливающееся на солнце всеми оттенками жёлтого сделалось глухого унылого осеннего охристо-серого цвета.

Яркая розовая церквушка переднего плана с белоснежным фронтоном, фризом, колоннами, резными оконными

наличниками и элементами барабана центрального купола. С позолоченным сверкающим под солнцем куполом и крестом сразу потемнела и стала похожа на убогую декорацию скверного провинциального театра.

Режиссёр оторвал взгляд от видеоискателя. Подавленно огляделся окрест. Встретился с виновато-сочувственным взглядом оператора, и словно впервые увидел съёмочную площадку. Замерших в ожидании его «высочайшего вердикта» рабочих. Актёров безнадёжно ожидающих заветную команду и сухой щелчок хлопушки. Бесцельно-бестолково слоняющуюся по площадке массовку....

Режиссёр просверлил небо тяжёлым недобрим взглядом и отменил съёмки.

– Напьюсь. Определённо сегодня напьюсь. Гори всё белым пламенем. – Подумал, расстроенный пропавшим съёмочным днём режиссёр, и не на кого не глядя, побрёл к автомобилю.

2

Соединённые штаты Америки. 1864 год

Полковник Дэнсмор лежал в дальнем отсеке госпитально-го

каземата. Его седовласая голова с красивым, но теперь пергаментно-бледным из-за большой потери крови лицом безвольно отвалилась к левому плечу, и казалось, что полковник прислушивается к стуку своего сердца. Но это только казалось. Полковник не приходил в сознание уже сутки. С того момента когда солдаты подхватили отброшенное взрывом фугас его беспомощное израненное тело. Он не помнил, как под ураганным огнём его несли сюда в каземат. Как шатающийся от усталости доктор Каммингс несколько часов колдовал над ним, извлекая осколки и латая его окровавленную иссечённую смертоносным металлом плоть.

Взрывы уже пятый день сотрясают каменное тело форта, важнейшего оплота южан на реке Миссисипи. Янки* со всей присущей им настойчивостью пытаются овладеть фортом. Гарнизон форта, отрезанный от основных сил Конфедерации*, лишённый резервов подкрепления и ограниченный в боеприпасах обороняется упорно и мужественно

но. И вдохновителем этой обороны его знаменем по праву считался полковник Дэнсмор под самым страшным огнём неприятеля хладнокровно руководивший защитниками. Своим бесстрашием и выдержкой укреплявший дух одних вселявший надежду и уверенность в других помогавший третьим.

Прямодушного честного и справедливого храброго и отважного в

меру осторожного и расчётливого старого техасца любили и офицеры и солдаты. Весть о ранении полковника мгновенно облетела форт, заставив офицеров собраться вокруг своего командира. Некоторые, чтобы возможно в последний раз увидеть полковника пробирались сюда ценой невероятных усилий преодолевая смертельную опасность. Многие впервые с начала осады встречали своих товарищей разбросанных по разным участкам обороны.

В каземате, несмотря на ранее утро, было душно. Горячий и плотный воздух наполняли сильные и резкие запахи лекарств, пороховой гари, сигар, терпкого ядрёного пота давно не мытых тел, и какой-то неуловимый, и в тоже время ясно определяемый запах оружейного метала. Офицеры шёпотом переговаривались между собой, сообщали последние новости и потери. У всех были закопченные от порохового дыма, уставшие от бесконечной осады лица. И неяркий мерцающий свет факелов делал выражения их лиц резкими неузнаваемыми зловещими. Этот же свет превращал цвет се-

рых мундиров в какой-то нелепый театральный, опереточный светло-песочный цвет на котором тёмно-бурыми пятнами выделялась запёкшаяся кровь.

Тишина царила такая, что доносившиеся приглушённые стоны и крики раненных из соседних отсеков, скрип ремней и лязг оружия теперь в этот скорбный момент казались раздражающе громкими и неуместными....

Но вот полковник застонал, открыл глаза и что-то тихо зашептал. Офицеры затаив дыхание, склонились над ним.

– Гонца.... Гонца к генералу.... Не продержаться... без... помощи....

Полковник снова впал в глубокое забытё.

– Да джентльмены без помощи у нас нет перспектив. – Устало произнёс майор Гибсон теперь, по ранению полковника оставшийся старшим офицером форта. – Потери огромны. Боеприпасы на исходе.

– Чёртовы янки туго затянули «пеньковый галстук*». Как только к ним подойдут корабли с орудиями крупного калибра нам конец.

– Надо пробраться к генералу любой ценой.

– Полковник два отряда посылал, и каков результат? Отсюда никому не вырваться.

– Генерал не успеет. У нас в запасе несколько дней.

– Надо попытаться ещё раз.

– Глупо и бессмысленно.

– Почему же, попробовать можно. – Эти слова произнёс высокий широкоплечий смуглый молодой человек лет двадцати пяти. На нём была такая же, как и на других офицерах запылённая и изрядно потрёпанная форма, но без знаков различия, как это было принято среди волонтёров,

свободных интендантов и одиноких стрелков, не имеющих средств купить

офицерское звание. – Шанс невелик, но рискнуть можно.

– Уж не вы ли готовы рискнуть, мистер Майлз? И это вы штатский

имеете наглость предлагать нам, боевым офицерам, потерявшим в предыдущих вылазках своих товарищей? – Зло прошипел капитан Кэссиди – огромный рыжий канзасец.

– Мистер Майлз, вы сколько сегодня выпили? – Саркастически усмехнулся лейтенант Таунсенд. – Господа, Майлзу до вечера не наливайте.

– Я сказал, что шанс не велик, но попробовать можно. При известных обстоятельствах джентльмены.... Вам показалось, что я произнёс что-то смешное лейтенант Таунсенд? Я задел вас, капитан Кэссиди? Если вы так считаете, я сейчас же готов дать вам любое удовлетворение любым доступным оружием....

– Джентльмены, прошу вас прекратить. Нашли, право, место и время. – Безоговорочно пресёк распрю майор. – Выкладывайте Майлз что вы там придумали.

– Всё просто. Я готов рискнуть на определённых усло-

виях. Десять тысяч, в случае если я благополучно доберусь до генерала и приведу в форт подмогу.

– Вы с ума сошли Майлз. В форте нет таких огромных денег.

– Зато они есть у правительства Конфедерации. От вас требуется только подписать со мной договор, и я готов.

– Не знаю, – растерялся майор, – я не уверен, что уполномочен

подписывать такие серьёзные документы.... Впрочем Майлз, прошу вас сначала изложить свой план.

Молодой человек, несколько поколебавшись, жестом предложил майору проследовать за ним. Заинтригованный майор подчинился. Не менее заинтригованные офицеры двинулись следом. Все выбрались из душного каземата под палящее солнце и непрекращающуюся канонаду и перебежками двинулись к западному бастиону....

– Основные силы янки сосредоточены на востоке у реки. Здесь до их позиций ярдов* триста, двести пятьдесят и превосходные стрелки на чеку – мышь не проскочит. Тут шансов у нас нет, что ясно и продемонстрировали отчаянные, но, увы, бесполезные предыдущие вылазки.... А вот с запада до передовых позиций противника ярдов четыреста, а у кромки перелеска все пятьсот. И нет стрелков, а только плохо обученные ополченцы. Это, на мой взгляд, наш единственный шанс. Мне надо преодолеть чуть больше мили*, а это всего несколько минут под запоздалым и беспорядоч-

ным огнём.... А дальше? На их кордоны мне наплевать. Я хорошо знаю эту местность, а для парней с севера она чужая. Главное добраться вон до того перелеска и холма. А там до дальнего леса рукой подать – менее мили. В лесу они меня не возьмут....

– Так янки вас и выпустили Майлз.

– Это не возможно. Вы и носа не сможете высунуть из форта.

– Ворота под постоянным прицелом вон с тех редутов Майлз.

– Это безумие.

Возбуждённо зашумели офицеры.

– Да, Майлз, как вы себе представляете детали столь опасного

мероприятия? – Усомнился майор Гибсон.

– Мне понадобится несколько лошадей. В намеченное время вы

начнёте отвлекающий обстрел позиций федералов с восточного,

центрального и западного бастионов. При этом, с восточного и центрального больше для шума. А вот с западного прицельно, в полную силу и только по передовым позициям. Но на короткое время. На несколько минут, не более. Что бы ошеломить противника, запутать, не дать возможность вести точный огонь и дать мне время преодолеть самый опасный участок на открытой местности....

Офицеры с некоторым уважением внимали молодому человеку – разумность и дельность плана которого не вызывала ни малейшего сомнения.

– ...Я под прикрытием огня постараюсь прорваться. Пока янки разберутся, что происходит, пока начнут стрелять, я уйду. Должен уйти. Если подстрелят лошадь подомной, я воспользуюсь другой.... Ну а если меня?.. Тогда не обессудьте джентльмены.... По крайней мере, совесть моя останется чиста: я сделал всё, чтобы заработать кучу денег и спасти форт.

Аминь....

Молодой человек театрально поклонился.

Майор внимательно и с какой-то неожиданной теплотой взглянул на Майлза. Этот молодой человек внешне ничем не отличающийся от подобных ему искателей удачи осаждающих в поисках наживы фронтовые лагеря во все времена когда «пахнет жареным». Людей, как правило, определённого сорта – беспринципных и алчных искателей фортуны, мгновенно богатеющих на грабительских контрактах и также быстро спускающих легко приобретённое состояние в прифронтовых вертепах. Поднимающихся к самым вершинам достатка и благополучия и бесследно исчезающих в кровавом водовороте войны теперь открылся майору по-новому. Для того чтобы решиться на такой отчаянный, практически безнадёжный поступок нужно обладать изрядным мужеством, отвагой и, несомненно, честью....

3

Подмосковье. 1991 год

Холодная чёрно-фиолетовая туча принеслась с запада и в считанные минуты накрыла небольшой подмосковный городок сонной змеёй вытянувшийся вдоль железнодорожной ветки Курского направления в полусотне километрах от столицы. Сразу сделалось темно словно ночью. Бешеный вихрь с шумом закружил пыль, листья и мусор по мгновенно опустевшим улицам. Сухие ветки и сучья с треском летели со стонущих под мощными порывами ветра деревьев. Редкие прохожие спешили укрыться под защиту зданий. Автомобили настороженно замерли во дворах и вдоль обочин дорог. На мгновение сделалось тихо. Зловеще тихо.... И грянул чудовищной силы ливень. Неистовый, ревуший, тёмный водопад поглотил город....

Капитан государственной автоинспекции Пузырёв (для друзей, близких и сослуживцев Пузырь, Валерик или Валерий Михайлович) сидел в «скворечнике»: круглом поднятом над землёй строении поста Государственной Автомобильной Инспекции – нервно курил и угрюмо смотрел на дорогу, точнее на сплошную пелену дождя за огромным, во всю стену окном....

Нет, катаклизмы природы не волновали капитана Госавтоинспекции. За долгие годы службы и летняя изнуряющая жара, и холодные тоскливые бесконечные осенние дожди, и ядрёные зимние морозы, и сырые промозглые весенние ночи сделались не замечаемыми, привычными, и даже необходимыми атрибутами профессии — издержками, так сказать, производства.

Теперь же, капитан, вздыхая с сожалением, думал о том, что до конца смены остаётся всего ничего и «набомбить червонец*» из-за этого чёртового дождя вряд ли удастся. А червонец завтра вечером Валерию Михайловичу нужен позарез. Точнее, нужен «пятнарик»*, но «заначенная*» от жены пятёрка у капитана уже имелась. Вылерий Михайлович планировал завтра пригласить в «кабак*» Ираиду из отдела кадров.

На Ираиду капитан имел далеко идущие планы. Он давно и безрезультатно добивался её расположения. По слухам Ираида «крутила роман» с подполковником Голубцовым. Точно этого никто в отделе не знал – со свечкой возле кровати не стоял – но люди поговаривали вполголоса. А, как известно, дыма без огня не бывает....

Ираида девчонка классная. Валерия Михайловича «плющит и колбасит не по-детски»* при виде её миниатюрной

стройной фигурки, белокурой головки, весёлых блестящих глаз, заразительного, чуть с хрипотцой смеха. Да, и потом Ираида «разведёнка», без комплексов. А «что ещё нужно мужчине чтобы встретить старость». Тем более что отношения с женой уже давно напоминали скорее лёд, нежели пламень и стремились к логической развязке, именуемой в народе простым, но ёмким словом развод.

Раньше Валерий Михайлович к Ираиде приближаться не решался, понимая что «подпал»* Голубцов козырная фигура, а не пешка, «борзости»* не потерпит, и упакует так, что «мало не покажется». Но недавно, по тем, же всезнающим слухам, подполковник с Ираидой расстался, поменяв её на девчонку помоложе из районной прокуратуры и у Валерия Михайловича появился шанс. Да и внутреннее чутьё подсказывало капитану, что он Ираиде нравится. По крайней мере, совершенно очевидно, что она выделяет Валерия Михайловича среди многих сотрудников. Стало быть, надо ловить момент. Свято место пусто не бывает и охотников на это место «до утопа». Взять хотя бы «следака-важняка»* Сашку Фролова, или майора Лёху Эйдлера – известного в отделе «ходака» и волокиту....

Что-то происходящее за стеклом насторожило капитана. Валерию Михайловичу показалось, что по дороге скачет всадник.... Всадник!?!.. Не может быть! Откуда? Капитан помотал головой, чтобы стряхнуть наваждение, но всадник

не исчез. А через несколько минут отчётливо послышалось лошадиное ржание. Наспех накинув плащ, с трудом преодолевая сопротивление ливня и порывов ветра, Пузырёв выбрался наружу и увидел... самого... настоящего... всадника!

– Школьная улица! Где Школьная улица!?! – Сквозь рёв ветра и грохот ливня прокричал мужчина. Лица всадника было не разглядеть. Его скрывала широкополая, «типа» ковбойской, шляпа....

В «скворечник» капитан вернулся растерянный и озабоченный.

– Ты что Михалыч приведение увидел? – Спросил напарник Толик. Молодой пацан-сержант.

– Да понимаешь, там всадник был.

– И ты его за превышение скорости штрафанул? – Осклабился сержант.

– Дурила, он это, ковбой.

– Чего, чего? – Оторвавшись от «тетриса»* уставился на Валерия Михайловича сержант Толян.

– А то. Точно говорю. Чистый Клинт Иствуд. Весь такой: в плаще длинном, шляпе и у седла винтовка в чехле.... Спрашивал Школьную улицу.

– Так это, наверное, кто-то из «мосфильмовских». Может за «водярой», а может

по девкам полетел. Я их автобус на Володарского видел. Огромный такой «мерин» и надпись «Мосфильм». Они в деревне Сердякино чего-то

снимают. В профилактории на

Красина живут. Пацаны из районного отдела рассказывали, у них там каждый день такое

«бухалово» – мама не горюй. И артисточки классные....

– Вот гады киношные, ковбои «хреновы». Понаедут, сволочи, крутых корчат. Москвы им мало, что ли. – Беззлобно подумал Валерий Михайлович. – Так и двинуться запросто можно. Хорошо, что за смену не выпил ни стопки....

4

Соединённые штаты Америки. 1864 год

Совещание, на котором кроме нас с майором присутствовали все свободные офицеры форта и некоторые наиболее влиятельные штатские, начало моей вылазки было назначено на три часа по полудню. Замечено что в это время интенсивность обстрела спадает. Майор подготовил договор, и мы подписали его. Я уже присмотрел себе лошадей. Из всех имеющихся в форте я выбрал двух сильных и резвых кобыл и сильного необыкновенно быстрого молодого красавца жеребца. Больше, поразмыслив, решил в это опасное предприятие не брать. Мне их стало жалко. Пусть себе живут. Если прорвусь, и этих трёх хватит, а если нет, и сотня не поможет.

Я подготовил специальные уздечки сплетённые индейским

способом, таким образом, что бы запасные лошади могли свободно двигаться за мной, и при этом, если убьют или ранят одну из них или даже обеих, я легко смог бы освободиться от них, не потеряв темп движения.

Из оружия я взял любимый и точный карабин Генри* и надёжный, обалденно красивый, хотя и неудобный в перезарядке капсюльный револьвер Кольт Нэви*. Больше оружия

брать смысла не имеет. Во-первых, помочь в моём отчаянном предприятии оно вряд ли сможет. Во-вторых, нарушать Первый Закон Перемещения* я всё равно не стану. Это я уже прохожу, и перспектива вылететь из Института меня не прельщает.

Я завершил свою экипировку длинным плащом, какие носят

стрелки в этих краях и широкополой шляпой – защитой от палящего солнца.

На все сборы ушло не более часа, и теперь я отрабатываю свой бросок из форта, наматывая круг за кругом, приучая коней друг к другу и слаженному движению в связке....

Время тянется необыкновенно медленно, а мне хочется только одного – поскорее покинуть этот форт, успевший изрядно осточертеть своими бесконечными, изматывающими артобстрелами, смертями, нечеловеческими страданиями, кровью. И покинуть его надо теперь, когда сюда, по операционным историческим материалам движется крупный отряд Конфедератов и скоро здесь станет по-настоящему жарко.... Да, и, потом, операция завершена и, по сути, меня больше ничего не связывает ни с фортом, ни с и этими людьми, неистово калечащими и убивающими

друг друга....

А может быть связывает?.. Я только теперь по настоящему понял что больше никогда не увижу этих отчаянных парней. Не увижу майора Гибсона, капитана Кэссиди, лейтинан-

та Таунсенда.... Это самое тяжёлое в нашей профессии – терять тех, к кому успел привыкнуть, кто мог бы стать при других обстоятельствах твоим другом....

Как считает Ленка, у меня особый талант притягивать всякие

неприятности и несчастья. Она ехидно шутит, что даже в раскалённой

Синайской пустыне, где Моисей сорок лет водил свой народ я запросто

умудрился бы отыскать лужу, да ещё и утонуть в ней.... Это конечно

перебор, но изрядная доля правды присутствует.

Взять хотя бы теперешнюю операцию, на выполнение которой по плану отводилось шесть дней. У меня же сразу всё пошло не по плану и в результате я оказался в чрезвычайно опасном положении, из которого теперь приходится выбираться, прилагая столько усилий, теряя драгоценное время и драгоценную энергию накопителя, подвергаясь ненужному, ничем не оправданному и смертельному риску....

Конечно, при проведении любой операции в незнакомом и чужом времени могут возникнуть нештатные ситуации, в той или иной степени, влияющие на результат её выполнения. От этого не застрахован ни один самый опытный и гениальнейший оператор. Никакая сверхмощная институтская аналитическая машина, вся команда аналитиков

не в состоянии предвидеть разворота событий, с чем придётся столкнуться оператору в реальности....

Кто в Институте мог предположить, что какой-то мексиканский сопляк из убогой деревушки на Миссисипи возомнивший себя настоящим bandito* ухитрится украсть аппаратуру возвращения, и что бы вернуть её, я вынужден буду гоняться за мальчишкой почти неделю.

И, как результат – я на две недели завяз в этом чёртовом форте....

...До начала вылазки остаётся всего ничего. Я собран и готов. Огромным усилием воли подавляю страх и все мешающие теперь эмоции. Полностью сосредотачиваюсь на ожидании сигнала. Сейчас должны ударить орудия с бастионов. Ворота раскроются и....

Артиллерия форта начала ровно в три. Створы ворот распахнулись и всё завертелось....

Прижавшись к гриве коня, я летел, ничего не ощущая кроме

яростного свиста ветра. Я никогда так быстро не скакал. Время словно спрессовалось в бесконечность. Кровь бешено пульсировала в висках. Сердце колотилось так, что казалось, вот-вот расколется грудную клетку и вырвется на волю. Откуда-то, словно из другого мира, я слышал канонаду далёких

артиллеристских выстрелов, но мне было не до них. Я мчался к спасительному перелеску.... Он стремительно приближался, то ныряя куда-то вниз и скрываясь из виду, то стремительно и неожиданно появлялся, надвигаясь рывками, подобно кадрам старинного кинофильма. Пули всё чаще и чаще и всё ближе и ближе свистели вокруг....

Вдруг я почувствовал активизацию сканера....

5

Подмосковье 1991 год

Ливень уже терял силу и стихал, когда к пятиэтажке подошёл человек и скрылся в одном из подъездов.

Пятиэтажка была самая обычная, ничем не выделявшаяся среди подобных ей железобетонных коробок по Школьной улице. Крайней улице города, за которой начинался лесной массив, дачи и озеро – любимое место отдыха горожан.

Подъезд, в котором скрылся человек, тоже был самый обыкновенный. С

обшарпанными, давно не крашенными стенами, исписанными примитивными graffiti* и

любовными посланиями типа: «*Светик я люблю тебя*», малограмотными, но

жизнеутверждающими надписями: «*heavi metal for oll*», «*Punk no dead*», „ГР. ОБ.

круто», «*любирам конец*», «*SSSR forever*». С банками-пепельницами на замусоленных, пожелтевших от времени изрезанных не всегда печатными надписями подоконниках. С многолетним устойчивым запахом собак и кошек, с кислым ядрёным запахом дешёвого табака. И с доминирующим над всеми другими запахами, тянущийся из подвала «микс»

затхлости и резкого специфического запаха мочи.

Человек тяжело и устало поднимался по лестнице. С насквозь промокшей

широкополой шляпы и тёмного длинного плаща стекали струйки воды. Шпоры кавалеристских сапог методично позвякивали в такт шагам. На последнем, этаже человек остановился и позвонил в дверь. Обыкновенную входную квартирную дверь, обитую местами потёртым дешёвым тёмно-коричневым кожзаменителем.

Ему открыли не сразу. Человек шагнул в слабоосвещённое пространство и очутился в крошечной прихожей. Человек прислонил к стене карабин, снял шляпу и кавалеристские перчатки, сбросил напрочь промокший длиннополый плащ, с трудом стащил сапоги и прошёл в ярко освещённую комнату. Это был высокий, смуглый, широкоплечий молодой человек, одетый в изрядно поношенный серо-голубой мундир офицера Конфедерации времён Гражданской войны Северных и Южных Штатов Америки. Из кобуры на широком ремне торчала рукоять крупнокалиберного револьвера.

Молодого человека тепло обнял и крепко пожал его сильную руку пожилой мужчина. Лет около шестидесяти. Высокий. Крупный. С некогда спортивной, а теперь грузной фигурой кабинетного работника. Его западнославянское лицо: крупное, с широким прямым лбом, рельефно обозначенными надбровными дугами, слегка удлинённым, словно изло-

манным в переносице «боксёрским» носом, чётко намеченными скулами, волевым тяжёлым подбородком, глубоко посаженными голубыми глазами казалось суровым и даже надменным. Но где-то в глубине глаз и паутинках морщин замаскировались тёплые добрые искорки.

– Что происходит шеф? Я уже не нужен «конторе» и меня решили ликвидировать перетащив через прямое перемещение. Да ещё и локализовав на пятнадцать километров от базы. Так можете воспользоваться карабином или этим «Кольтом». Чик, и ни каких проблем. – В голосе молодого человека слышались усталость и раздражение.

– Виктор, я понимаю твоё состояние, но прошу держать себя в руках. Ты хорошо знаешь, что только обстоятельства чрезвычайной важности заставили нас прибегнуть к «прямому перемещению». Мы отлично осознаём меру опасности и высокую степень риска, но другого выхода не оставалось. А главное, нет времени на подготовку стандартного «перемещения». У нас чепе. Срывается важнейшая операция. Так что отдохни и включайся в работу. Я тоже бросил свои дела и прибыл сюда не развлечения ради. На всё даю двенадцать часов. – Подытожил разговор шеф. Но внимательно посмотрев на молодого человека, поправился. – Сутки....

6

Подмосковье 1991 год

Режиссёр Куняев с трудом разомкнул тяжёлые слипающиеся веки и не сразу сообразил, где он. Гудящая раскалывающаяся с перепоя голова отказывалась служить режиссёру. Но всё же, через какое-то время мутный взгляд служителя муз смог различить и идентифицировать замкнутое плохо освещённое пространство, как свой гостиничный номер. Он узнал и свою всклокоченную, измятую постель – словно на ней занималась «групповухой» вся съёмочная группа, кроме помрежа Раисы Степановны с

которой заниматься «групповухой» не стал бы ни кто, ни с каким количеством водки.

Режиссёр «навёл резкость», увидел раскрытую дверь номера и два синюшные существа на пороге.

Режиссер почувствовал, как противный липкий пот ручейком заструился по спине.

Горячий лоб покрыла испарина. Волосы сделались жёсткими мокрыми и противными. Комната качнулась и поплыла. В голове яркими вспышками мелькнули два образа. Первый – «белка»*, допился, конец. Второй, более нейтральный и безопасный: «гуманоиды» пришельцы из космоса, братья по разуму....

Существа что-то говорили, как показалось режиссёру с укором в его адрес на вроде бы знакомом, но теперь, «с бо-дуна» не распознаваемом языке....

Ещё через некоторое время с трудом возвращающийся к жизни мозг служителя искусства определил в синих существах милиционеров. Обычных родных советских *милитонов* или *ментов*, или как ещё называла служителей правопорядка наиболее «любящая» их часть населения нашей необъятной прошедшей через лагеря и тюремные зоны Родины – *мусоров* или *легалых*. Родину Мать большой патриот Куняев, понятное дело, любил. О чём постоянно и пламенно, до дрожи в голосе и соплей распинался со всех кинематографических трибун. А, следовательно, и *мусоров*, то бишь, милиционеров режиссёр тоже любил. И даже время от времени порывался запечатлеть их светлый образ и нелёгкие будни на, так сказать, «бессмертный целлулоид». Но к столь благодатной теме и щедрой руке Министра внутренних дел и без Куняева охотников имелось «до утопа». И охотников рангом повыше, и с партийным стажем побольше. Привыкший к партдисциплине «с пелёнок», режиссёр не роптал. Разве только, в полголоса верной жене Валентине или всё понимающей «боевой подруге» Ильмирочке...

Куняев изобразил на помятом лице нечто похожее на улыбку и широким жестом конферансье приглашающего

на сцену артиста, предложил стражам порядка войти.

– ...Конечно, мы вас понять можем Станислав Никифорович. Но и вы войдите в наше положение. Городок наш небольшой. Каждая собака, можно сказать, на виду. А она пол улицы загородила – ни проехать, ни пройти. И лягается. И ни кого к себе не подпускает, гадюка. А пристрелить жалко. Да и казённое имущество, как ни крути. Вам же за неё потом и отвечать придётся....

– Кто? – Тупо спросил ничего не понимающий и чувствующий как последние волосы дыбом встают на голове, быстро трезвеющий патриот-режиссёр.

– Да коняка ваша. Кто же ещё!?! – Почему-то обиженно и раздражённо ответил пожилой милиционер. – Мы вам товарищ режиссёр уже полчаса об этом толкуем. Конь ваш придорошный.

– Кино конечно у нас искусство наиглавнейшее. И конь ваш знатный. Красавец, ничего не скажешь. Не то, что у нас в деревне. Огонь. – Поддержал коллегу второй милиционер. – Но вы, всё же распорядитесь, что бы его с дороги прибрали. Движению мешает. Тем более, что на Школьной живёт тесть самого председателя исполкома товарища Мартыненко. Как бы до товарища Мартыненко инцидент не дошёл. А там и до

вашего киношного начальства.

С этими словами, козырнув, милиционеры удалились. А режиссёр трясущимися

руками долго и бестолково шарил под столом среди пустой посуды. Нашёл бутылку недопитой «Посольской» водки. И со словами: «Какой, блин, конь?» жадно сделал несколько глубоких глотков так, что жидкости в бутылке заметно поубавилось. Отдышавшись, режиссёр подумал, что больше никогда не выпьет ни стопки с этими придурками Шмаковым и Нармандяном и агентом Моссада* оператором Аркашей Штейнбергом....

На мгновение в воспалённом мозгу Куняева родилась робкая мысль что вообще

«бухать» пора «завязывать», что возраст не тот, сердечко пошаливает, здоровьем

заняться пора.... Но волевым усилием Куняев задавил мысль-контру в зародыше.

И ещё подумал Куняев, что хорошо бы взять отпуск. Хотя бы на месяц..., на пару

недель..., на неделю. Послать к чёрту этот балаган и махнуть к Валентине и детям в Анталию. А, ещё лучше, в Вену к Ильмибочке. А то в этой грёбанной стране среди этих

убогих идиотов и бездарей недалеко до «белки», или, чего хуже – «дурки»....

Глава первая. Старинный блокнот. 1991 год. Москва. 1.1

К грузину я подошёл, когда народ возле его прилавка «рассосался».

– Гамарджоба генацвале*. Мне Костю Малыша увидеть надо.

Я обращаюсь к Сосо как положено «конкретному пацану» моего ранга, уверенно и повелительно. Грузин «стреляет» в меня настороженным колючим недобрым взглядом и с напускной любезностью произносит.

– Э друг, какой такой Костя!?! Что за Костя? Не знаю я никакого Малыша. Ты дорогой что-то перепутал. Может, товар ищешь? Так скажи. Могу помочь. Сосо здесь все знают.

– Точно генацвале, джинсы «варёные» ищу. Только не в твоём *барахле*. Костя Малыш помочь может. Увидишь его, передай: человек, дескать, товар ищет. А человека люди к нему направили. Я здесь ещё «покручусь». *Прикольно** у вас тут, *барахла* «море». Не то, что у нас в глуши.... Только долго *светиться** не могу. Так генацвале пацанам и передай. Человек, мол, от людей *приканал*....

Отхожу от прилавка, чувствуя на себе пристальный тяжёлый изучающий взгляд пожилого грузина. По узкому проходу между прилавками с трудом пробираюсь сквозь медленно

движущуюся, толкающуюся, давящую многотысячную толпу покупателей. Какое счастье, что я не живу в этом сером неуютном голодном и непонятном времени. В этом сыром холодном неприветливом и опасном городе – бывшей столице последней великой тоталитарной империи под названием СССР....

...Вчера битком набитая электричка вынесла меня в числе сотен других пассажиров на небольшом подмосковном полустанке, где находится конспиративная квартира нашей группы и я, как назло, нос к носу столкнулся с милицейским патрулем. Я подумал: всё, конец операции. У меня при себе *конкретный ствол, ксива фуфлловая**, и по легенде я провинциальный бандит-беспредельщик* во всесоюзном розыске.

Закончилось всё так неожиданно, что я долго не мог прийти в себя от удивления. Всего за каких-то несколько сотен долларов служители правопорядка меня не только отпустили, но и, напоив «ершом» – мерзким разливным пивом с водкой, распрощались как с родным. И даже заботливо посоветовали на вокзалах и в центре столицы не крутиться. «Чтобы не *спалиться**, нарвавшись на *отмороженных** ментов, которые примут за всю мазуту не посмотрев, что ты *пацан правильный**».

Вот этого я, воистину, понять не могу. И в других эпохах такой мелкой открытой примитивной и циничной коррупции не встречал....

Если бы большинство моих изнеженных и чувствительных современников оказались на этом, с позволения сказать, рынке, их бы наверняка «хватил Кондратий». В нашем времени нет такой неудобной формы торговли. Практически любой товар, изделие мы заказываем во всемирной сети «Global service» и получаем с доставкой на дом без давки, толкотни, суеты и нервотрёпки.

В самых захудалых секторах лунной или марсианской колоний вы не встретите

предметов такого ужасного качества, к большинству из которых подходит образное и

меткое определение этого времени: «кооператорское *лепилово* под фирму»*. При этом стоит всё баснословно дорого....

Не менее ужасна и сама форма торговли. Даже не верится, что это происходит на заре третье тысячелетие. Холодный мокрый снег-дождь засыпает-заливает грязные прилавки толстым сырым серым рыхлым ковром. Вещи навалены мокрыми кучами, в которых бесцеремонно и азартно роются покупатели. Тут же товар примеряют, торгуются с продавцами. Одну и ту же вещь тотчас без всякой санитарной обработки примеривает следующий покупатель и следующий, и следующий, и следующий....

В предприятиях государственного сектора торговли полупустые прилавки и бесконечные, противоестественные оче-

реди. Чтобы купить самые элементарные продукты питания приходится выстаивать по несколько часов в очередях, или пользоваться услугами перекупщиков – посредников, или как их называют здесь – спекулянтов или фарцовщиков*. Очереди угнетают. Я ни как не могу к ним привыкнуть и если бы мне пришлось выбирать символ этой эпохи, я, не на секунду не задумываясь, сделал бы им очередь....

– Первый, внимание! К грузину подошли несколько парней. Среди них Мальшев. Кажется, грузин описывает им тебя.

Отлично. Игра началась. Только бы Константин Мальшев «отозвался». Этот гангстер умён, дьявольски хитёр и осторожен. Предыдущая группа операторов не смогла даже приблизиться к нему и еле ноги унесла. Но если институтские аналитики всё просчитали верно, у меня есть шанс. По легенде я покупатель оружия, лидер провинциальной молодежной гангстерской группировки, как их называли в то время «комсомольцев-беспредельщиков*».

...По-прежнему продолжаю движение. Рынок кажется бесконечным. Делаю круг. Второй. Третий. Очень скоро от толпы, толкотни и шума становится не по себе, трудно сосредоточиться, притупляется внимание, начинает болеть голова....

– Чего *братан** ищешь?

Неожиданно вырос передо мной точно из-под земли высокий лет тридцати крепкий широкоплечий спортивного вида парень в длинном кожаном плаще с небрежно накинутом поверх плаща белоснежном кашне.

Узнаю Константина Малышева, чей примитивной технологии и ужасного качества фотографический портрет прилагался к материалам операции. Несколько гангстеров – «качков» повисают у меня за спиной, отсекая путь к отступлению. Боковым зрением отмечаю недалеко от нас напряжённые лица ребят из группы прикрытия. Ну что же, нас четверо против семерых бандитов – шансов, в случае заварушки, у гангстеров нет....

– А тебе какое дело? Ты что здесь самый любопытный? – Вызывающе нагло, и в тоже время простодушно спрашиваю гангстера.

– Ты *не борзей*, а отвечай, когда тебя люди по-хорошему спрашивают. – Малышев говорит уверенно спокойно и внешне равнодушно. При этом улыбаясь напускной доброжелательной улыбкой. Но его руки в кармане плаща, а лицо напряжено и в его глазах я вижу холод смерти – за долгие годы я научился безошибочно определять это. Я точно знаю, что ему ничего не стоит в случае малейшей, даже кажущейся опасности «завалить» меня и через несколько минут он даже и не вспомнит об этом. Пацаны малыша окружили меня плотным угрожающим кольцом....

Со стороны мы, наверное, смотримся закадычными приятелями, остановившимися поболтать....

– *Вик бандиты вооружены. Уровень опасности первый.*

Что-то твёрдое и плоское упирается в спину в районе печени. На нож не похоже, наверное «ствол». Моё оружие переходит к гангстерам.

– Ладно, *пацаны* всё *ништяк**. Никаких проблем. «Варёные» джинсы нужны. Люди сказали, Костя Малыш помочь может.

– «Варёнки»!?! – Парни весело ржут. Малышев предлагает. – Вот что *братан*,

пойдём с нами. Есть здесь одно местечко поспокойнее, «без глаз и ушей» там и *перетрём** твою проблему.

Пробираемся сквозь толпу. Впереди, ледоколом, по-хозяйски движутся «качки», расчищая проход для Малышева. Я за ним. Несколько «качков» сзади и сбоку.

Константин Малышев внешне совершенно не соответствует своему какому-то детскому и несерьёзному *погонялу**. Не похож Малыш и на кровожадного гангстера. Он скорее похож на преуспевающего молодого бизнесмена. Этого человека с положением, жизнелюба и либерала, любимого подчиненными руководителя, почтенного отца семейства, любителя природы и животных. Общее впечатление

портит лишь холодный тяжёлый волевой несколько надменный взгляд.

Константин Малышев, по кличке Костя Малыш: кровавый гангстер, лидер одной столичной криминальной группировки эпохи Перестройки конца двадцатого века. Эпохи краха тоталитарной коммунистической идеологии. Эпохи возникновения новых отношений и новых собственников. Эпохи передела огромного, наводящего страх на весь мир государства Советский Союз.

Малышев отличался волевым целеустремлённым характером, умом, высокими организаторскими способностями и беспредельной жестокостью, что позволило ему в короткий срок стать лидером крупной и влиятельной гангстерской группировки.

Начинала его бригада, как и многие банды того времени с борьбы за «место под солнцем», мелкого мошенничества, рэкета и *крышевания** коммерсантов. Очень скоро Малышев перешёл на значительно прибыльную торговлю оружием и исполнение заказных убийств. В тысяча девятьсот девяносто четвёртом году застрелен конкурентами.

Недалеко от метро «заваливаем» в третьесортное кафе с высокопарным названием «Пальмира». В пустынном за-трапезном зале несколько потрёпанных маргинального вида мужиков пьют дешёвую водку и вонючее разливное пиво,

от которого в сыром, прохладном помещении стоит ядрёный кислый прогорклый запах. Пацаны Малышева быстро и бесцеремонно выпроваживают бомжей, и молодая

восточного вида барменша вешает на дверь табличку с надписью «закрыто».

Усаживаемся за шатающийся колченогий стол, покрытый несвежей в замытых живописных пятнах и разводах скатертью, на которой в стеклянной банке пылится букетик искусственных цветов. Я сажусь в углу, Малышев напротив, парни располагаются вокруг. Молча закуриваем.

– Ладно, серьёзно. Что ты хочешь? – Наконец нарушает молчание Малышев.

– Джинсы. Я тебе уже говорил. Хочу *прикид** поменять. А то в моих «адитассах» у вас в столицах ходить *стрёмно**. *Мусора* косятся. Могут принять за плохого мальчика. Ещё *шмалять** со страху начнут... А ты что же джинсами торгуешь? Так пособи.

– Нет, *братан*. Я не *коммерс**. Но рынок это наш, и обо всём, что здесь делается я

в курсах. А то приезжают разные ухари вроде тебя. Тоже типа джинсы ищут. А потом

*махач**, или вообще *мочилово**. А нам на нашей территории проблемы ни к чему. Ты друг *втыкаешь**?

– Да я не такой. Мне чужие проблемы *без мазы**, своих выше крыши. А я человек тихий.

– Откуда нам это знать. Мы тебя впервые видим.

– А вы поверьте. Хорошего человека сразу видно.

Ответ Малышеву видно понравился, и он весело гогочет, похлопывая меня по

плечу. Мы знакомимся. Я называю свою по легенде кличку. Гангстеры тоже представляются.

– За тебя кто слово сказать может?

Вопрос хороший, (следите ребята за его рукой, у него в рукаве «зэковская *выкидуха*»* – это типа шутка) но я к подобному вопросу готов.

– Коля Трактор. Мы с ним в Тамбовской *крытке* два года назад *чалились**.

– Понятно. Только зря Славик ты к Сосо полез. Он *ментам стучит**. И сам *спалишься*, и нас подставишь.

Я изображаю на лице некоторое волнение, но Малышев успокаивает.

– Не парься. *Всё ништяк*. Мы ранок держим. Здесь всё через нас. Поэтому давай ближе к делу.

– Нужны стволы*. – Парни заинтересованно и вопросительно смотрят на меня. Пяток «Глоков*» или «Беретт». Для пехоты «Тэтэх» штук двадцать, десяток «Калашей», пару пулемётов, десяток «мух», штук пять «эрпэгэшэк» и боекомплект к ним....

Гангстеры вытаращили глаза и что бы окончательно добить их заканчиваю.

– ... Пару «эсвэдешек» и много-много «маслят» и «лимоннок».

– Ты *братан* никак воевать собрался?

– Да нет. Любим, понимаешь с пацанами грибы ягоды собирать. А в лесу теперь, сам знаешь, страшно. Волки, бегемоты, кенгуру, медведи всякие «задолбали». Дышать не дают псы. Шаг в сторону – *вилы*. А мы тоже жить хотим. Это у вас в столицах жирно, всего вдоволь. А нам приходится с хлеба на воду перебиваться....

– Ну, это Славик дело твоё. Грибы, так грибы. Мне лично *по барабану**. Только это серьёзно. Очень серьёзно. Надо отзвониться людям.

Малышев лезет в карман плаща. Я напрягаюсь, но на свет извлекается внушительных размеров прямоугольник, из которого появляется антенна, снизу раскрывается небольшая панель.... Господи! Да это же настоящий мобильный телефон первого поколения. У нас такого даже в институтском музее нет....

– Не «бойсь», не граната – «мобила». Видел такую?

Я совершенно искренне помотал головой. По-детски довольный произведённым на провинциала эффектом Малышев важно отходит к окну. Долго с кем-то разговаривает, время то времени посматривая в мою сторону. Я делаю вид, что не слушаю, но до меня доносятся обрывки фраз. Несколько раз я слышу свою кличку.... Гангстер снова возвращается.

– *Всё ништяк* братишка. Мы готовы. Но сам *прикинь**, такое количество мы не можем из штанов достать – нужно время.

– А ты понимаешь, что мне с моим «всесоюзным федеральным» у вас долго *париться не в кайф**. Для меня каждая минута *вилы*. Я в столице всего два раза в жизни был, и то пионером. У меня здесь не родни, ни знакомых, ни *хаты** верной. А в гостиницу – до первого *мусора**.

– Это не вопрос. Есть одна квартира в Бескудниках. Но только с условием – никаких *лялек**, пацанов с улицы, пьянок-гулянок.

– А что я там делать буду? – Не веря своей удаче, всё же осторожно спрашиваю я.

– Ты книжки читай. – Весело смеётся Малышев. – Там *братан* книг море. В

натуре целая библиотека. Да и потом ты же не год *ныкаться** собираешься. Всего пару, тройку дней. А совсем тяжко станет, дам тебе один номерок. Позвонишь. Скажешь от меня. Такая *бикса** отзовётся, что потом тебя с *хаты* и «Калашом» не выгонишь. Правда, *пацаны?* – Гангстеры дружелюбно хохочут. – Ну что, едешь?

То что, это нужная нам квартира я понял сразу. Столько собранных в одном месте книг я встречал не часто.

В нашем времени никто кроме специалистов не пользуется такой неудобной и примитивной формой хранения

информации. У нас все печатные издания сосредоточены в специальных хранилищах, и мы в случае необходимости работаем с их электронными или вирт-версиями*. Настоящие старинные книги стоят недёшево. Впрочем, для меня собирание книг такая же непонятная вещь, как и коллекционирование картин, например. Я совершенно не вижу в этом смысла. Зачем? Когда в любой момент можно воспользоваться их отсканированными вирт-копиями*....

В нашем времени, редко у какого коллекционера за всю жизнь может собраться несколько сотен книг. А здесь их находилась не сотня, а, наверное, несколько тысяч. Я стоял в оцепенении, уныло размышляя, как мы сможем выполнить задание. Нужны недели, что бы во всём этом разобраться. А у нас есть максимум дня три....

После ухода бандитов подтянулись мои коллеги из группы прикрытия, и я здорово повеселился над их растерянно-удивлёнными рожами. Но ребята оказались опытные, с солидным стажем «перемещений» и повидавшие всякого. Поэтому мы долго не стали заморачиваться над известным вопросом разночинной интеллигенции что делать и для начала решили чего-либо перекусить. Тем более, что у меня с утра во рту «росинки маковой не было». Чтобы не терять драгоценное время мы настроили сканеры на поиск, а сами отправились на кухню, где обнаружили громадную древнюю холодильную машину без интеллекта, а в ней некото-

рое количество продуктов и всевозможных напитков. Чувствовалось, что квартира посещается не часто. После утреннего напряжения ужасно хотелось есть. Мы быстро опустошили часть запасов и даже «уговорили» бутылку настоящего французского коньяка. Потом мы перешли в самую большую комнату расположились на диване и в кресла вокруг журнального столика и стали обсуждать своё чрезвычайно непростое положение.

Мы выполнили первую часть операции. И выполнили на все сто. Я легализовался и мы в заветной квартире. Теперь остаётся только найти нужный нам старинный блокнот князя Тураева, но вот это, как выяснилось самая трудная часть операции....

Поздно вечером ребята, усталые и одуревшие от бесплодной работы, уехали на подмосковную конспиративную квартиру. Я остался один. Развалился на диване с настоящей кубинской сигарой и включил телевизор. Похоже, что музыкальные каналы в это время ещё не существовали, и смотреть оказалось совершенно нечего. Я нашёл какой-то латиноамериканский сериал, смысл которого понимал с трудом, поскольку не

видел миллион предыдущих серий....

Я, наверное, задремал, потому что от треска телефонного аппарата чуть не подскочил к потолку. Звонил Костя Малышев, интересовался что делаю. Я сказал, что по его совету

читаю книги. Он хохотнул в трубку, пожелал найти знакомые буквы и связь разъединилась. Я снова попытался углубиться в метаморфозы сериального сюжета, но глаза слипались....

1.2

Вдруг я услышал шум прибоя. Волны монотонно, методично и мрачно накатывались на высокие крутые берега острова....

Остров* мне не понравился сразу. Был он дик, угрюм и почти безлюден. Всё его

населения составляли полсотни монахов, несколько сотен крестьян из принадлежавшей монастырю убогой нищей деревеньки таких же диких, как и сам остров. Да ещё на

правах гостей в монастыре приживалось десяток паломников и учёных мужей.

С первых минут остров нагонял на меня какое-то необъяснимое уныние. Было не по себе. Бил лёгкий озноб. Толи из-за пронзительного холодного, несмотря на июнь, морского ветра, от порывов которого не спасал даже комбинезон. Толи от знания предстоящих событий....

Расположенный на острове, на северо-востоке Англии вблизи Шотландии

монастырь по своему религиозному и культурному значению был хорошо известен всей средневековой Европе.

Монастырский комплекс (типичное сооружение романской эпохи* с её оборонительной концепцией, возведённый с учётом фортификационных требований того беспокойного

и опасного времени) похожий скорее на рыцарский замок, нежели обитель слуг Господних, опоясывала высокая и мощная стена, сложенная из пригнанных друг к другу огромных камней.

Восточная часть стены, выходящая на побережье, наиболее укрепленная, включала в общий оборонительный комплекс стен несколько бастионов. Здесь же располагались и центральные монастырские ворота, собранные из пригнанных друг к другу дубовых досок, связанных в единое полотно коваными металлическими пластинами.

Все постройки монастыря имели прямоугольные массивные тяжеловесные формы без искусов и декоративных развитутий.

Собор – главное и самое крупное строение монастыря был сложен из того же грубо обтёсанного камня – крестообразный в плане, вытянулся с востока на запад и имел простые формы. Смотрелся собор сурово и, даже, мрачно. Плоскости стен почти не декорировались, если не считать контрфорсов располагаемых по противоположным стенам центрального нефа, ритм которых несколько оживлял унылое однообразие прямоугольного строения. На восточной стене находились огромные входные врата, окованные медными прочеканенными листами с изображением жизни, распятия и воскрешения Господа, жития апостолов и святых. В центре высокой крестообразной двускатной черепичной кровли располагался позолоченный шпиль-флеш*. Вытянутая вверх шпиль-

образная кровля звонницы завершалась простым кованым позолоченным крестом. С тыльной, западной стороны к храму примыкал внушительных размеров скрипторий* служивший монахам и местом переписки книг и библиотекой.

Собор подобно замковому донжону взметнулся ввысь почти в центре монастыря. Монашеские кельи и хозяйственные постройки образовывали сплошной пояс от северной до южной стены. Пояс жилых строений замыкался жилищем аббата и зданием капитула, где монахи проводили свои собрания....

Мы локализовались накануне событий. Нас было трое. Гейбриэл, Гэйб – старший группы, оператор первого класса с двадцатилетним опытом «погружения». Историк-аналитик Ян. И я, тогда оператор шестого класса, а если честно – стажёр. Нам предстояло до начала операции занять исходную позицию. Для базы мы выбрали поросший густым кустарником и чахлыми буками холм, расположенный на значительном удалении от монастыря. Пологий склон холма спускался к обрывистому берегу и являлся удобной точкой наблюдения за морем. Широкий и глубокий овраг, протянувшийся от холма к южной стене, позволял незаметно приблизиться к монастырю.

Мы замаскировались в зарослях кустарник, а с наступлением темноты Гэйб и Ян отправились в монастырь. Они должны были проникнуть в скрипторий и за ночь подгото-

вить к эвакуации бесценные книги, рукописи и реликвии. Я же по плану операции оставался на берегу что бы вовремя сообщить коллегам о появлении кораблей.

Сканер демонстрировал картину происходящего. Вот коллеги подобрались к крепостной стене, с помощью спецсредств без труда преодолели её и скрылись в темноте....

Спать не хотелось. Знобило – сказывалось нервное напряжение. Я сидел, слушал рокот неугомонных волн, смотрел на море и думал о том, что произойдёт через

несколько часов на этом суровом и мирном острове. О том, что мне предстояло увидеть. Тогда мне казалось, что я не смогу это выдержать. Я гнал мрачные мысли, но они возвращались снова и снова. По сути это было мое первое настоящее «перемещение». Никаких тренажёров, вирт-пространства, роботов, страховки – всё «по-взрослому». Собственно, поэтому, в операции моё место на берегу – подальше от основных событий....

...Не помню, как задремал. Разбудил меня сигнал сканера.

Утро едва начиналось. Солнце только-только робко выползало из-за моря. Далеко на северо-востоке я заметил крошечные точки. Сканер приблизил их изображение. Это ока-

зались одномачтовые ладьи с прямоугольными парусами. Я тотчас связался с коллегами. Попутным ветром, курсом фордевинд* ладьи стремительно приближались к острову. Скоро можно было различить восемь тёмно-красных и полосатых парусов. Через полчаса я уже отчётливо различал малейшие детали судов: высокие форштевни* и ахтерштевни* в виде длинношеих драконьих голов; низкие пузатые корпуса, увешенные щитами и шкурами; людей на палубах в остроконечных поблескивающих на солнце шлемах и с оружием в руках. Драккары* неслись к берегу....

Монастырь просыпался. К распахнутым настежь монастырским воротам потянулись на утреннюю молитву крестьянские семьи: взрослые, отроки, дети. Створы ворот за ними медленно сомкнулись. Монахи, послушники, монастырские работники, паломники заполнили собор.

В четверти мили от берега паруса убрали. Драккары мягко врезались в пологий в этом месте берег. И тотчас с них посыпались рослые светловолосые воины. В считанные минуты они с диким нечеловеческим рёвом влетели на берег. И началось...

Своими могучими боевыми топорами и примитивным тараном они в считанные минуты разбили ворота и ворвались внутрь.

Сканер демонстрировал происходящее, и я, оцепенев

от ужаса, смотрел, как орда убийц и грабителей сметая всё на своём пути, ни щадя никого, прокладывает свой кровавый путь. Я видел как оцепеневшие от ужаса монахи и миряне выскакивали из собора, чтобы упасть под ударом меча или топора. Я видел как викинги, рассыпавшись по монастырю, врывались в постройки и кельи. Как старый аббат пытался крестом остановить громил, но рухнул под ударом секиры могучего молодого викинга.

...Всё что произошло потом, я помню смутно. Уже в Институте, в записи я видел себя с диким криком, похожим на рёв животного летевшего к монастырю через густой колючий кустарник, не замечая боли и крови от хлещущих по лицу веток.

Дорогу мне преградил немолодой коренастый викинг в островерхом шлеме, кольчуге, кожаной безрукавке поверх неё; с длинным мечом и круглым деревянным щитом, обитым по караю металлом, с блестящим металлическим умбонном* в середине.

Я летел на него, а викинг дико смеясь, высоко поднял меч, готовясь нанести удар. Но это мы ещё в колледже проходили. Я по касательной принял удар меча на руку, словно на щит – благо перерубить комбинезон не под силу никакому мечу – надёжно заблокировал клинок и ударил викинга снизу вверх, с такой силой, что его голова резко ушла назад. Я услышал хруст позвонков. Викинг замертво рухнул на землю и его

шлем звонко покотился по камням. Ко мне бежали его товарищи. Меня «переклинило». Я поднял с земли меч. Первого подбежавшего – здорового, молодого викинга, я «сделал» легко. Приняв удар его топора на клинок меча, резко отбросил топор в сторону и молниеносно всадил меч пацану в глаз с такой силой, что широкий клинок расколол череп, насквозь прошил шлем и застрял в нём. Я с трудом вытащил меч. Викинг захрипел и рухнул на землю. Моё лицо, комбинезон, руки и меч залила тёмная горячая кровь. На меня налетело сразу несколько викингов. Мой меч мелькал как окровавленная молния.

Я дрался как одержимый.

Викинги хорошие воины, но не более, а за моими плечами многовековой опыт

человечества в области владения холодным оружием. Не скажу что я выдающийся фехтовальщик, но северным ребятам со мной ничего не светило. Это всё равно, что воевать против Боевой Машины Огневой Атаки древней колесницей. Они сыпали на меня град мощных, но бесполезных ударов, которые я парировал и контратаковал одиночными точными выпадами, многие из которых достигали цели. Скоро уже три трупа лежало на земле, ещё несколько викингов корчились в агонии. Удары моих противников изредка достигали цели, но особого ущерба не причиняли – комбинезон

надёжно защищал меня. Я видел ужас в глазах этих древ-

них грабителей и убийц...

И тут в моё сознание прорвался голос Гэйба. Он орал, что бы я остановился. Что я срываю задание, нарушаю Первый Закон Перемещения и буду отвечать перед Советом... Я отступил к воротам и скрылся в зарослях кустарника. Меня никто не преследовал. Думаю, что эти суеверные громилы приняли меня за кого-нибудь из пацанов их «великого и ужасного» бога Одина.

Гребёж и резня продолжались. Викинги собрали всё ценное, что было возможно, подожгли, забрали своих убитых и раненных, согнали весь монастырский и деревенский скот на берег, там же его закололи, побросали туши на палубы драккар и растворились в морском просторе.

Скрипторий они тоже подожгли, но мы успели забрать заранее подготовленные коллегами бесценные книги и рукописи...

Я, наверное, никогда не забуду эту заваленную трупами и залитую кровью монастырскую землю. И сладковатый запах крови, перебивающий все другие запахи...

А потом был Чрезвычайный Совет и меня отстранили от «перемещений» на год, хотя многие руководители отделов предлагали меня уволить за чудовищное, кощунственное нарушение Первого Закона. Не знаю, какие силы помогли мне тогда. Возможно, высокое жюри приняло во внимание, что это моя первая операция, возможно, спас авторитет шефа,

но меня в отделе оставили....

А через несколько месяцев отстранение отменили – операторов не хватало – и я, как полноправный член группы, включился в новую операцию под кодовым названием «Белый рыцарь»....

Мне часто снится этот мрачный неприветливый остров с крутыми изрезанными берегами. И рёв прибоя. И щемящий пронзительный крик чаек....

1.3

Утром от Кости Малыша заехал пацан и привёз продукты. Мы с ним выпили «для разминки» пива, «отшлифовали» его водкой, сыграли пару партий в карты, я позволил пацану выиграть и он довольный отвалил. Тотчас подтянулись мои коллеги, и мы снова продолжили поиск. Мы вкалывали как одержимые, к вечеру проделали огромную работу но, по-прежнему безрезультатно. Наша задача усложнялась тем, что книги хранились бессистемно и располагались в шкафах в несколько слоёв в глубину и в любом из них мог оказаться, этот чёртов блокнот....

Заканчивался ещё один бесплодный день. Мы пребывали в скверном настроении. Воображение рисовало одну картину мрачнее другой. Я видел Густава. Его растерянный сочувственно – вопрошающий взгляд. Видел суровые, неприветливые, испепеляющие лица членов Большого Совета. Слышал не оставляющий никаких надежд вердикт:

контракт аннулирован, сдайте операторский жетон....

Захотелось завывать по волчьему – долго, протяжно и тоскливо....

Наша операция на грани провала. Ещё один, максимум два дня и придётся

*линять с этой хазы**. Не собираемся же мы на самом деле

покупать всю ту кучу оружия, которую я заказал. Для чего оно нам?.. Да у нас просто и нет таких денег....

Ребята уехали едва живые, расстроенные и злые, а я упал на диван и заснул как убитый.

Проснулся я глубокой ночью от какого-то неясного беспокойного и волнующего ощущения. Что-то подсказывало мне – разгадка совсем близко.

Я перебрался на кухню, заварил крепчайший чай и стал размышлять.

Мы безрезультативно потратили на поиски почти двое суток, а это огромный отрезок времени для профессионалов нашего уровня. Сканеры – уникальные и сверхмощные интеллектуально-аналитические электронные системы, но и они не справились с задачей....

А, может быть, блокнота в квартире нет?..

Гангстеры могли его попросту выбросить, поскольку для непосвященных этот старый блокнот не представляет ни малейшую ценность. Да, и вообще, думаю, что все собранные здесь книги для большинства из гангстеров никакой ценности не представляли – это не *цацки*, *рыжъё*, *бабки**, не оружие....

А может быть, мы не там ищем?..

Но мы с ребятами самым тщательным образом исследовали все закоулки квартиры....

Стоп. А всели?.. Возможно, в квартире есть ещё скрытые места, тайники....

Нет, мы тщательно и методично осмотрели всё помещение, предметы мебели.... Квартира изучена нами «как свои пять пальцев», и пока что не обнаружен никакой тайник или подобие его. Да и зачем коллекционер, у которого Костя Малыш забрал за долги квартиру стал бы устраивать какие-то тайники?.. Положим для сокрытия наиболее важной и ценной части коллекции.... Нет, это чепуха. Я не специалист, но всё же, первичный анализ коллекции ясно показывает, что это дешёвая и типичная для своего времени беллетристика: детективы, фантастика, околону научная история, подписные издания, собрания сочинения популярных в то время, а теперь практически забытых авторов. Мне не подалось не одного антикварного тома, а «перелопатил» я в этой квартире не мало....

Но может в квартире существует скрытый сейф....

Зачем хозяину этой квартиры, «простому советскому человеку», скромному инженеру сейф? Он не подпольный миллионер, не секретный агент иностранной разведки, в конце концов....

Следует признать очевидный факт, что скрытых мест, тайников в квартире нет....

Нет!?!.. А мебель. Взять хотя бы диван в гостиной. Насколько мне представляется его конструкция, в нижней части должно существовать пустое пространство....

Меня словно громом шарахнуло....

На ватных ногах я подошёл к дивану, поднял сиденье и обнаружил связки старых журналов, пожелтевших газет, запылённые книги.... И вдруг сканер победно запищал. Среди груды макулатуры я заметил краешек потёртого кожаного переплёта... и в моих руках оказался старинный, величиной с ладонь, потрёпанный, с пожелтевшими страницами блокнот.

Даже не верится, что из-за этого невзрачного предмета в Институте поднято столько шума....

Неужели задание выполнено?

Едва сдерживая волнение, сообщаю коллегам о находке и окончании операции.

Теперь остаётся собрать сканеры, что я и сделал, изрядно повозившись, – один

гад сканер ни как не хотел деактивироваться и прятался от меня по всей квартире, пока я не перехитрил этого электронного сверхнавороченного и суперумного дурачка.

Всё. Можно покидать квартиру. Но не хочется уходить по-

английски. Да и ключи от квартиры нужно где-то оставить. Будет жалко, если книги разворуют....

Набираю телефонный номер, оставленный Костей. Отвечает приятный женский голос. Девушку зовут Катя. Я предлагаю ей приехать. Она обещает подъехать через час. Через полтора часа раздался звонок в дверь. В комнату вошла обалденно красивая девчонка. Такая красивая, что у меня перехватило дыхание и в голове появились дурацкая мысль, не задержаться ли на денёк другой.... А что, победителям во все времена полагалось награда.... Но я твёрдо знал, что генератор уже активирован и разгоняется, что времени у меня не много. И, самое главное, дома ждёт Эл, рядом с

которой все красавицы всех времён и народов *не канают*.

– Ты сооруди пока что-нибудь закусить, а я в ларёк за сигаретами сбегая. —

Предложил я девице. В прихожей я оставил жрице любви почти все имеющиеся у меня доллары – не зря же она чухала* сюда «по первой просьбе трудящихся» – и вышел в ночь.

Было тихо и свежо. На пустынном проспекте я поймал такси....

Всё, домой. Домой, какое тёплое слово. В кармане моей куртки лежал старинный блокнот....

Глава вторая. 1812 год. Князь

– У вас, что новое задание? – В голосе Ленки металл. Она нависает надомной, выставив левую ножку вперёд, перенеся тяжесть тела на правую ногу, уперев руки в бока ладошками наружу, слегка согнув корпус в мою сторону. Лёгкий румянец на скулах выдаёт крайнюю степень гнева, и копна её рыжих волос монотонно покачивается в такт произносимым словам. В этот момент Эл удивительно похожа на мою преподавателя истории искусств до истерики распекавшую меня за величайшее кощунство – незнание работ великого Караваджо, Веронезе, Бенвенуто Челлини, Терборха, Делакруа, Брюллова и ещё целой кучи «великих стариков»....

– Ну да. Ничего особенного. Всё как всегда. – Стараясь предать голосу спокойствие, наигранно равнодушно отвечаю Ленке. – Обычная работа.

– Вик, у тебя всегда обычная работа, ничего особенного, а потом ты месяцами «зализываешь раны». Мой милый, тебе по закону отпуск положен после операции. Кажется месяц. А вместо этого «Мальбрук снова в поход собрался»? Это свинство. Я рассчитывала, что мы наконец-то слетаем к маме. Сколько я её не видела? Почти год.

– Леночка, месяц отпуска только после операции первого уровня, а наша третьего..., ладно второго.... Но дело не в этом, ты же хорошо знаешь, что в Институте творит-

ся. Операторов не хватает... И потом, каждая операция, это деньги, хорошие

деньги и возможность быстро закрыть кредит за дом...

– Деньги, дом. Вик, ты становишься прагматиком. Скучным прагматиком. У тебя

только работа в голове. Ты не вылезает из института месяцами. Ты помнишь, когда мы

последний раз куда-то выбирались? А молодость, мой милый, проходит. Я старею....

– Ха, ха, ха. Рассмешила. Леночка, кто бы говорил. Какая старость. Посмотри в зеркало.... И потом, что ты предлагаешь? Бросить институт?... Хорошо, брошу. Найду спокойную работу. Стану, наконец, появляться дома каждый вечер.... Заметь, каждый вечер, в одно и то же время. Как здорово. Никакой опасности. Никто не стреляет в тебя, не пытается разmozжить твою голову, не тычет в тебя мечом или ещё какой-то железякой.... Всё размеренно, просчитано и скучно как третьесортный гитарный рифф* спившегося провинциального гитариста. Девочка моя ответь себе честно, тебе такая жизнь будет *в кайф*? Ты это искренне хочешь? Если да, я готов принять любое твоё решение. Хотя сделать это мне станет не просто....

Я произношу слова, а сам смотрю в глаза Эл. И теперь в её глазах нет и капли холода и злости. И теперь в них снова живут так безгранично любимые мной, её бесподобные тёплые солнечные чёртики....

– Вик, милый не обижайся. Просто я тебя очень люблю и боюсь за тебя. Боюсь всегда, когда ты исчезаешь в своих «перемещениях». Вик, мне никто и ничто без тебя не будет нужно. Никакой дворец, дом. Ничего. Понимаешь, ничего. Только ты....

Ленка обнимает меня, и я зарываюсь в копну её рыжих волос....

2.1

– ...Батюшка Илья Алексеевич просыпайтесь. К вам его превосходительство господин губернатор. Извольте впустить?

– Приглашай Филипп, приглашай. Не томи гостя.

Хриплым со сна голосом приказал князь и глубоко потянулся,

окончательно прогоняя дрёму.

В просторном зале кабинета было сумрачно. Солнце ещё до обеда

перебралось на другую сторону здания и массивные плотные портьеры екатерининских времён почти не пропускали свет.

Стояла жара. Движение воздуха из настезь распахнутых окон едва ощущалось и оттого как-то особенно остро чувствовался запах дорогого нюхательного табака, которым по старой привычке пользовался князь. Чётко улавливался и сладковато-терпкий запах шеллака – плотник Тихон в конце мая, почитай перед самой войной, заново лакировал кабинетную мебель. Особый запах книг, коих здесь на бесчисленных стеллажах шкафов покоилось превеликое множество. И латинских, и греческих, и немецких, и английских, и итальянских, и испанских, и российских, а более французских. Встречались книги современных сочинителей и нынешних

учёных мужей. Но их было не много, и собирал их в основном сын князя – князь Михаил. Больше книг было старых: времён отрочества, юношества да молодости князя. Отдельным стеллажом, спрятавшимся в хитрой нишке возле письменного стола располагались древние, редкие, да особо ценные фолианты. Многие из них стоили целое состояние....

Князь сидел за огромным старинным резным дубовым итальянской работы письменным столом. В просторном кресле с высоченной, мягкой спинкой, обитой тиснёной, потёртой от долгого употребления тёмно-зелёной кожей. С мягким, кожаным сиденьем, и мягкими же кожаными локотниками на изогнутых резных подлокотниках. Верхнюю деревянную часть спинки завершала буйная тонкая резьба с цветами, травами, листьями, и амурами среди них.

На тёмно-зелёном сукне столешницы, во всю её длину была расстелена крупномасштабная армейская карта западной части Российской Империи с отмеченными на ней синими и красными стрелками

направления движения российской и французской армий.

Вот Макдональд форсировал Неман у Тильзита и продвигается на север. На центральном направлении через Ковно на Вильнюс неудержимо движется лавина самого Бонапарта. Даву* и Жером* в Белой Руси*. На юге в Малороссии* хозяйничает австрияк Шварценберг*.... А наши «бравы солдатушки» всё скачут и скачут зайцами от самой границы. И стыда не ведают ни князь Багратион, ни Барклай-де-Тол-

ли.... Хотя, может они и правы. Теперь важно армию сохранить. Без армии – гибель России. А земли, просторов наших на всех супостатов для их могил хватит. Вот и движется война на восток. И всё ближе и ближе к Смоленску....

Эх, кабы жив был граф Александр Васильевич Суворов, разве посмел бы корсиканец землю нашу топтать....

2.2

Город ещё спит, и солнце едва освещает крыши и стены домов мягким пастельным золотисто-оранжевым светом. Его косые лучи сонно скользят по влажным от ночной росы плоскостям крыш. И резкие жирные чёрные, тёмно-синие и тёмно-фиолетовые тени, прячась от света, сползают вниз, в глубину, к первым этажам.

Из окон нашего сектора на сто шестидесятом этаже город кажется бескрайним искусным архитектурным макетом. Двухсотэтажная башня-цитадель Института Изучения Времени, или как мы его называем Института, видна из любой точки города, возвышаясь над всеми городскими строениями подобно могучему замковому донжону.

Наш город единственный на планете. Другого подобного ему нет. По сути это

единый огромный институт. И цитадель самого института, и западный, северный, восточный и южный сектора города, и его округа, районы, улицы, проспекты, бульвары и парки – всё это единый организм. Таким его задумала великая основательница города Глава Всепланетарного правительства госпожа Купер, в ту далёкую эпоху, когда перемещение во времени выбиралось из подполья секретности, рамок отдельных государств и превращалось в общепланетарное явление.

ление.

С тех далёких времён, как дань традиции сохранились такие нейтрально завуалированные спецслужбами понятия как «перемещение», или, как выразились бы в старину путешествие во времени. Что является куда более точным обозначением явления. Из того далёкого времени к нам пришло и название нашей профессии – оператор-исследователь, или как мы говорим просто – оператор. Хотя, по сути, мы обыкновенные офицеры спецназа. Правда, выполняющие не совсем обычную работу....

По передаваемой из поколения в поколение институтской легенде госпожа Купер увидела город во сне. Увидела таким, каков он теперь. С центрально расположенной институтской Цитаделью, секторным членением городского пространства....

В городе всё подчинено и направленно на выполнение одной задачи – перемещению во времени. Этой задаче подчинены и все мы, миллионы его обитателей выполняющих каждый свою работу. Например, Леночкина компания, расположенная в невидимом из моего окна северном секторе города, занимается подготовкой для перемещений необходимых документов. И для моих операций документы изготавливает она. Не одна, конечно, а с сотнями, тысячами коллег. А это вовсе не простая работа, как может показаться непосвященным. Только в старинных фильмах о перемещениях во вре-

мени героиня попадает в точку локализации «в чём мама родила». Господи, какой наив! Как примитивно в то время представляли перемещение во времени. Не хотел бы оказаться на месте тех бедолаг. Что я в таком виде стану делать? Искать фиговый листок? Или предков пугать? И как я смогу выполнить задание без финансовых средств, документов. Наконец, без кучи других всевозможных

материальных деталей и элементов обеспечения операции.

Перемещение имеет один важнейший недостаток: обратной связи с нашим временем при выполнении задания у оператора нет. Следовательно, приходится до мельчайших подробностей продумывать всё, что нужно взять с собой в прошлое. И все эти предметы в деталях и технологиях должны соответствовать изделиям того времени. В противном случае операция может провалиться, и смертельная опасность нависнет

над жизнью оператора или даже целой группы.

Обеспечением операции нужными документами, предметами, атрибутами и занимается многомиллионная команда учёных, инженеров, технологов, мастеров, специалистов самых немыслимых и разнообразных профессий и роботов.

А ещё на околосолнечной орбите и орбите планеты расположены колоссальные энергетические установки, питающие все «вены и артерии» города, обеспечивающие гигантской энергией сам чудовищно энергоёмкий процесс перемещения

во времени.

Я люблю этот город. За свою, в общем-то, короткую, но насыщенную жизнь я многое повидал. Я видел древние и старинные города. Я бродил по прекрасным, фантастическим дворцам, от которых захватывал дух, и рядом с которыми тебя охватывала гордость за величие человеческого разума, способного создать всё это. Но ни один из них не вызывал в моей душе такой теплоты, и не заставлял так бешено колотиться сердце, как мой любимый город.

Особенно остро это ощущаешь, вернувшись сюда после операции....

Я люблю Институт. Здесь, по существу прошла вся моя жизнь. С тех теперь уже почти забытых детских лет, когда я впервые переступил порог гимназии. Здесь я рос, учился, формировался как личность и профессионал. Я многого оказался лишён в детстве. И, наверное, самое важное – родителей, семьи. Точнее, моей семьёй стали мои товарищи-однокурсники, учителя педагоги, тренеры и наставники....

Впрочем, в наше время многие лишены семейных отношений, свойственных

прошлым эпохам. Для современного человека это непозволительная роскошь. Нам с Ленкой повезло, что мы вместе. А вот наши родители разбросаны по разным уголкам всепланетарного пространства. Бизнес моего отца связан с мар-

сианской колонией, где он и проводит значительную часть своей жизни. Я вижу его редко. Научная деятельность мамы связана с Луной, и она разрывается между нею и Марсом отца. Мама часто посещает и Землю и до сих пор пытается меня воспитывать. Смешно... Леночкина мама архитектор-реставратор, специалист по древневосточной архитектуре практически всё время мотается по планете, возвращая жизнь старинным памятникам. А Леночкин отец важный политический деятель планетарного масштаба.

Так сложилась наша жизнь, и я об этом не жалею. В детстве я имел многое, о чём миллионы моих сверстников могли только мечтать: насыщенную и интересную гимназическую и студенческую жизнь, и самое важное, стабильную перспективу в будущем. Мне много пришлось работать. И работать «не по-детски». Кто сам не прошёл через всё это и не прочувствовал на своей шкуре, не может даже на соотую долю представить насколько это тяжёлый труд. Сколько раз отчаяние охватывало меня. Сколько раз мне хотелось бросить и гимназию и колледж. Сколько крови и пота стоила моя самая малая, незначительная на первый взгляд победа.... Только в бесконечных сериалах жизнь оператора сплошная романтика и победы. На самом деле процентов на восемьдесят наша работа, скучнейшая подготовительная рутина, с изучением документов, исторических особенностей той или иной эпохи, отработкой легенды, языка, мил-

лиона возможных операционных схем, и одуряющие, послеоперационные отчёты.... Это огромный труд и выдерживают его не многие. Из сотен, тысяч отобранных Институтской Глобальной Аналитической Машиной кандидатов операторами становятся единицы....

Да за эти годы мне многое пришлось пройти. Но зато теперь я здесь, в секторе

Отдела Стратегических Перемещений во Времени или просто Отдела Перемещений. И стою теперь возле окна на сто шестидесятом этаже и смотрю на просыпающийся город.

Порой мне не верится, что я работаю здесь, хожу по улицам этого

необыкновенного города, участвую в операциях....

Я часто думаю, что было бы со мной сложись моя жизнь иначе, если бы тогда в детстве институтский анализатор не отобрал мою кандидатуру среди сотен тысяч, а может и миллионов подобных мне малышей....

Я люблю Институт в эту раннюю пору, когда в коридорах и офисах стоит тишина,

нет дневного шума, суеты и спешки, и только охранники-«андры*» неумоимо и бесшумно несут свою вахту....

Но теперь мне не до панорамных красот. Я уже вто-

рые сутки на ногах и за это время удалось вздремнуть всего несколько часов. Глаза слипаются, голова раскалывается, трудно сосредоточиться. Виной всему блокнот. Тот самый блокнот, который мы вытащили с квартиры бандюгана Кости Малыша. Обычный для своего времени блокнот писчебумажной мануфактуры Ллейса, одна тысяча семьсот девяносто четвёртого года от Рождества Христова, в потёртом кожаном переплёте и несколькими хрупкими пожелтевшими страничками исписанными цифрами. Только цифрами. И не одного слова. Цифры идут от первой до последней страницы сплошным потоком, без каких-либо разрывов указывающих на возможные слова. Совершенно очевидно, что это шифр. Но этот шифр не смог «расколоть» самый мощный институтский дешифратор.

Единственное, что достоверно известно, принадлежал блокнот князю Илье Алексеевичу Тураеву.

Князь происходил из старинного и знатного аристократического рода. Получил прекрасное образование, знал множество европейских языков. С ранних лет при дворе. Был определён на службу по дипломатической линии.

При Императрице Екатерине второй сделал стремительную и блестящую карьеру, о чём свидетельствовали разнообразные и многочисленные награды, от титулов и орденов до жалованных земель в различных губерниях Российской державы.

При Павле Петровиче прямой и честный князь попал в опалу и был сослан в родовое имение в Смоленскую губернию. Там этот деятельный и энергичный человек весьма успешно занялся преобразованием своей вотчины. Через несколько лет некогда прозябавшие деревеньки и сёла его поместья превратились в крепкие хозяйства со вновь возведёнными и отреставрированными церквями, открытыми для крестьянских ребятишек школами, сельскохозяйственными мануфактурами и предприятиями.

Император Александр первый князя реабилитировал и пригласил ко двору. Но князь отказался и остался в своём имении, где его и застала война с Наполеоном.

Среди сохранившихся архивных документов большую и важнейшую часть занимают материалы смоленского губернского сыскного ведомства *«об исчезновении Действительного Тайного Советника князя Тураева Ильи Алексеевича в июле месяце 1812года.»*

Из них следовало, что незадолго до прихода французов князь покинул своё имение, отбыл в неизвестном направлении и исчез при загадочных обстоятельствах. К делу прилагались обширные свидетельские показания, из которых вырисовывались версии, одна противоречивее другой.

Как водится в подобных случаях, многочисленные свидетели толком ничего не знали и пересказывали чужие версии, а то и откровенно

«отливали пули*».

Все версии исчезновения столь заметной в губернии фигуры можно разделить на три основных.

Первая. Князь ушёл вместе со смоленским губернатором бароном Казимиром

Ивановичем Ашем незадолго до прихода неприятеля в Москву. Версия логичная и наиболее вероятная. В столице находилась армия, и было наиболее безопасно. Но так сложились обстоятельства, что князь в столице погиб. Возможно, во время всем известного Ростопчинского пожара. Возможно после захвата Москвы армией Наполеона.

Вторая, озвученная неким почтмейстерским уездным чином господином Свечновым, который встречал князя в Смоленске, и который в приватной беседе узнал о намерении князя отправиться в Санкт-Петербург ко двору, чтобы в эту лихую годину возможно в последний раз послужить Отчизне.

Некоторые свидетели показывали, что незадолго до появления неприятеля князь

ушёл на восток, дабы переждать смутное время.

Особый интерес вызывали, прилагаемые к делу показания некоторых уездных помещиков о передаче князю ценностей *«для временного сокрытия от врага»*. Документального подтверждения этому никакого не имелось, поэтому серьёзно следствием не рассматривалось – все знали высочай-

шую честность и порядочность князя. Единственный же свидетель, который в то время мог пролить свет на это таинственное дело, – сестра князя Мария Алексеевна не пережила исчезновение, или вероятную гибель горячо любимого брата скончалась в январе одна тысяча восемьсот тринадцатого года.

В общем, следствие ничего конкретного не раскопало, и через несколько месяцев дело закрыли. Прочие исторические документы никакого отношения к исчезновению князя не имели и свет на него пролить не могли....

У нас оставался блокнот. На первых страницах блокнота ребята из технического отдела восстановили исчезнувшую со временем запись:

Дорогой князь Михаил!

Если теперь ты держишь в руках эту записку, увидеться нам не суждено никогда. Хотя более всего мне теперь хочется увидеть и обнять тебя, твою супругу Александру, деток. Мария и Илюша, поди, уже совсем взрослые. О многом хотелось бы поговорить с тобой.

Князь Михаил, надеюсь, тебя не смутит форма моего послания. Делаю это намерено, дабы посторонние понять не смогли. Ты же, наоборот, без затруднения осилишь его. Внимательно отнесись к моему посланию. Как знать, может статься, оно ещё сослужит службу моему доброму имени и чести.

На этом прощай. Крепко обнимаю и целую тебя, Вас всех.

Из текста записки следовало, что князь придавал серьёзное значение блокноту.

О самом князе Михаиле известно, что находился он на дипломатической службе в

Англии с момента установления Наполеоном блокады и до тысяча восемьсот шестнадцатого года. Потом высочайшим повелением оказался переведён на континент. Сначала в Голландию, затем во Францию. А в тысяча восемьсот тридцать первом году князь Михаил ушёл в отставку, вернулся на родину. Поселился в родительском имени на Смоленщине. Долгие годы безрезультатно князь Михаил искал следы отца....

2.3

– ...Да-с Илья Алексеевич тяжко, очень тяжко. Я теперь уже вторую

неделю на ногах. Всю губернию объехал. И везде в каждом уезде, городе, да что в городе в любом придорожном селении полно беженцев, военных, раненных. Дороги забиты. Кругом неразбериха, неготовность войне, бестолковость наша в полной мере проявляется. И масштаб сего огромен.... Всюду беспокойно. Мужики лихие да дезертиры в стаи сбиваются. По глухим норам пока прячутся. Но это пока. Погоди, дай только срок, – повыползают из нор своих. Как только Бонапарт поближе придвинется,

время этих упырей придёт. Вот тогда Содом и Гоморра то и начнётся.

Пойдёт по губернии «красный петух» гулять, польётся кровушка....

Казимир Иванович говорил тихим усталым чуть хрипловатым каким-то невзрачным голосом. Сорока шестилетний губернатор был не высок, по-юношески худошав, строен, в движениях медлителен, и, даже, можно сказать мало-подвижен, при этом педантичен.

Высокому, крупному, подвижному и деятельному князю губернатор составлял полную противоположность.

Илья Алексеевич и Казимир Иванович дружили давно. С того времени, когда в одна тысяча восемьсот седьмом барон Аш Высочайшим повелением был назначен на губернаторство Смоленской губернии, приняв Смоленскую губернию, после Архангельской с жалованием чина действительного статского советника....

В губернии деятельного и хозяйственного, строгого, но справедливого и участливого, готового оказать посильную помощь в прибыльном начинании сметливому человеку, вне зависимости от рангов и сословного положения, уважало и высшее общество, и негоциантство, и значительная часть мещанства.

Казимир Иванович в губернии имел власть глубокую, и всю её теперь, в этот тяжёлую и трагическую для Отчизны пору употреблял на помощь военным в организации обороны. А что Наполеон всей своей мощью обрушится на Смоленск, знающий историю, губернатор нисколько не сомневался. Не было в истории России ни одного, сколь-нибудь крупного нападения врага с западных рубежей не миновавшее

Смоленской земли....

– Кончилась наша спокойная жизнь. Всё двинулось. Многие из дворянства, помещики, да и купеческие в дорогу собирались. Даже те, коих раньше и першероном с места не сдвинешь. Приятель мой Александр Юрьевич из Рослав-

ля который, граф Норовский с семейством, знакомый тебе Иван Савич Поречаев давно в Москву подались, да и другие тебе известные.... Непонятно мне Илья Алексеевич чего ты сидишь? Чего ждешь? Али, думаешь, француз тебя не заметит? Заметит, ещё как

заметит.... Право, брал бы ты Марию Алексеевну, да и в Москву.

Илья Алексеевич внимательно посмотрел на барона и ничего не ответил....

Наскоро отобедав, губернатор отбыл. А князь ещё долго сидел в кабинете за столом, записывая что-то в изящный кожаный блокнот....

2.4

Я плохой шифровальщик. В колледже с этой дисциплиной у меня были серьёзные проблемы, но одно я усвоил крепко, любой шифр, разработанный одним человеком, может расшифровать другой. Хотя в нашем случае, скорее всего, действует исключение из правила – самая мощная шифровальная машина не смогла «расколоть» блокнот. Вероятно, князь и сын знали систему шифра, то есть говорили на одном языке.

Следовательно, шансов на дешифровку практически нет....

Я не знаю, какое значение в предстоящей операции имеет блокнот и насколько

важна зашифрованная в нём информация, но внутренний голос подсказывает, что блокнот появился в нашем деле неспроста....

В принципе для выполнения операции материала у нас и теперь достаточно.

Единственное, и самое важное, что нам неизвестно, – маршрут передвижения князя. Но эту проблему мы можем решить с помощью сканеров, разместив их на всех возможных направлениях. Конечно, это удовольствие дорогое и хлопотное, требующее огромной энергии и большого штата операторов. Но в принципе оно позволяет с высокой сте-

пенью точности выполнить задание и разыскать князя. Основная сложность, в нашем случае, состоит в том, что князь передвигался в лесистой местности, где пролегают десятки всевозможных дорог, просек троп и тропинок, что увеличивает масштабы поисков до размеров серьёзной войсковой операции....

При подготовке к операции у каждого своё точно определённое задание. Мне шеф, учитывая, наверное, напряжение предыдущей операции, дал возможность передохнуть и формально поручил только блокнот.

– Виктор, особенно не усердствуй. Результат, сам понимаешь, не жду. Если мощнейший дешифратор не справился.... Но поверти его так и сяк – возможно, чего-нибудь и «нароешь». Главное без лобовых атак. Только время потеряешь....

Густав прав. Просто расшифровать эту цифровую «абракадабру» не получится. Необходим какой-то ход....

Я снова и снова всматриваюсь в пожелтевшие страницы, «напрягаю извилины», а ребята между тем приступили к выполнению задания. По плану операции три группы операторов блокируют все возможные направления.

Марсель, Настя и Алёнка – наиболее вероятное направление на Москву.

Северное направление, на Санкт-Петербург перекрывают

Чеслав и Никита.

Южное, на Малороссию – Игорь и Светланка.

У всех групп одинаковое задание: обнаружить князя и установить наблюдение за ним.

Моё юго-восточное направление на Калугу и Тулу аналитики считают малоперспективным, и я пока на базе, поскольку в операции на вторых ролях. Меня, честно говоря, это более чем устраивает. Не надо до одури отрабатывать легенду, вникать в тонкости эпохи, «долбить» древний язык....

Я в тысячный раз просматриваю страницу за страницей.

Текст написан аккуратным, крупным старческим почерком. Цифры идут от начала

страницы и до конца. И не одного разрыва, намёка на слово. Всё монотонно и скучно как унылый рифф посредственного гитариста. Но что-то в записях настораживает....

При всей аккуратности записей одни цифры в некоторых местах почему-то наползают на другие, в других местах между соседними цифрами попадают небольшие пробелы. Такое ощущение, что текст составлял человек «под изрядным шофе». Конечно, это можно списать на естественные факторы: старость, изменившую подчёрк; волнение, усталость, поспешность записей....

Но не похоже. Так бывает, если вписывать знаки между

другими, уже стоящими,

когда трудно рассчитать границу знака, или если писать справа налево, что для европейца непривычно и вызовет естественное смещение знаков....

Стоп!.. А если дело именно в этом? Если князь вписывал часть цифр между уже написанными?..

Но, зачем? Это должно было усложнить ему задачу написания....

Если в этом шифре каждая цифра или группа цифр соответствует букве, а буквы-

цифры собираются естественным образом в слова – не понятно, зачем нужно было

усложнять задачу. Проще писать одну цифру за другим слева направо. В этом случае не

требуется оставлять свободные места для ещё ненаписанных цифр....

Интуиция подсказывает мне, что в этом кроется разгадка. И если разгадать это, можно разгадать шифр....

Я снова перечитал послание, и какая-то догадка промелькнула в мозгу....

2.5

Когда малиновый край заспанного солнца едва показался из-за волнистой кромки дальнего леса, из ворот усадьбы выехала процессия.

Впереди двигалась простая без герба лёгкая карета запряжённая парой великолепных лошадей, в которой расположился князь Тураев. Рядом с кучером примостился слуга князя старик Филипп. За каретой следовали пять крестьянских телег. За телегами весело трусили сменные лошадки.

Поднимая густую прохладную пыль, отряд неспешно двинулся по просёлочной дороге на юго-восток, миновала поле и углубилась в сумрак леса. Было тихо. Негромко, монотонно и сонно шелестели своими могучими листовыми и хвойными гривами дремлющий лес. Ещё несмело, вполголоса заводили свои утренние песни разбуженные появлением незнакомцев птахи. Под колёсами похрустывали сухие ветки. Утренняя прохлада приятно бодрила. Скоро лес сделался гуще и угрюмей. Теперь на пути всё чаще попадались завалы, которые крестьянам приходилось расчищать, затрачивая на это немало времени и сил.

К обеду выбрались на берег извилистой, неширокой, мелкой и быстрой в этом месте Угры. Устроили привал. Крестьяне нарубили дров, и скоро весело затрещал походный

2.6

...Кому адресована шифровка? Конечно князю Михаилу....

Как в таком случае должен начинаться текст?..

Наверное, фразами вроде: дорогой сын, дорогой князь Михаил, Михаил или аналогичными этим.

Следовательно, в словах присутствуют одинаковые буквы, которым должны соответствовать одинаковые цифры или числа шифра. Но в тексте ничего подобного нет. Первые строки блокнота включают следующие цифры: 0,3,6,8,1,2,4,5,9,0,7,0,8,9,3,5,7,1,8,8,3,5,7,3,1,2,8,1,1,6,3....

Разложим их на группы по две цифры, что наиболее логично, поскольку в алфавите несколько десятков букв. Получается: 03,68,12,45,90,70,89, 35,71,88,35,73, 12,81.... Но и в этом случае не просматриваются одинаковые буквы....

А если в группе три цифры?
036,812,459,070,893,571,883,573,128....

Вообще получается ерунда какая-то.

Может быть, письмо начинается не с обращения к Михаилу, ведь князь оставил сыну записку?.. Тогда расшифровать текст, скорее всего, невозможно – мы не знаем о чём он....

Чтобы не заснуть, завариваю крепчайший кофе и отправляюсь в отдел реквизита, где собралась вся наша группа. Сегодня примерка костюмов.

Удивительно, какой же неудобной была в то время одежда. Я по легенде мелкий чиновный служащий и мне полагается неимоверно узкий и неудобный с немислимыми ватными подкладками кургузый сюртучок, штаны со штрипками, сапоги, рубаха со стоячим воротником и шейный галстук. Пытаюсь во всем этом двигаться, но ощущение много хуже чем в рыцарских доспехах. К доспехам я привыкаю за день и потом практически не замечаю их веса, настолько они рациональны и эргономичны. А эта искусственная, извращённая одежда бесит меня. Утешает лишь мысль, что девчонкам ещё хуже. По легендам они представительницы небогатого дворянства и их длинные креповые или муслиновые платья с удушающим корсажем, вообще средневековая пытка, на подобие «испанского башмака». А чего стоят их невообразимо сложные с высокими шиньонами прически, или идиотского вида шляпки, напоминающие цветочную клумбу....

В общем, мы с ребятами от души повеселились над нашим *прикидом* и я отправился к себе в офис.

«...ты же, наоборот, без затруднения осилишь его...».
Наоборот, без затруднения осилишь его....

Что это может значить?..

Наоборот осилишь.... Что этим князь хотел сказать?..

Возможно только то, что князь Михаил в отличие от непосвященных легко справится с шифром. Но это и так было сыну понятно, стоило ли дополнительно об этом писать – отец и сын дипломаты, а шифр испокон веков является одним из атрибутов этой профессии. Особенно в то не простое и опасное время....

Наоборот осилишь.

Осилишь наоборот.... Стоп!.. Наоборот....

Прочитаешь наоборот. То есть от конца текста к его началу!?..

А что, вполне возможно....

Связываюсь с шефом и прошу «прокачать» блокнот снова. Но теперь опираясь на мою догадку....

– Вик, что за упрямство. У нас есть заключение шифровальщиков.

В голосе Густава раздражение. Коротко излагаю свои соображения.

– Ну что же, вполне возможно. Хорошо, попрошу шифровальщиков заняться блокнотом снова.

2.7

– Батюшки, никак стреляют!? Точно стреляют. Истинный крест, стреляют. Ваше сиятельство да не уж-то сюда супостат добрался. Спаси и

сохрани нас Господь Всемогущий! – Старый Филипп испуганно ёрзал на козлах, вертел головой во все стороны точно ворон почуявший опасность и настороженно прислушивался к приглушённым расстоянием звукам выстрелов.

– Полно Филипп, вздор. Представь где теперь французы, а где мы. – Пресёк стенания слуги князь, тоже настороженно прислушиваясь к перестрелке, держа на изготовке кавалерийский мушкет.

Крестьяне тоже тревожно вслушивались, спешно заряжая оружие. Выстрелы доносились из глубины леса впереди по ходу движения. Не минутой не колеблясь, князь приказал двигаться вперёд.

Через короткое время дорога вывела отряд на поляну. Им открылась ужасная картина.

На спине в дорожной пыли лежал мужчина, по виду из чиновных.

Залитого кровью лица было не разобрать. Его разворотила картечь

крупного калибра.

В шагах пятидесяти от убитого лежал ещё один человек.

Лет около

пятидесяти, по платью провинциальный помещик. Ни документов, ни каких других вещей у покойных обнаружено не оказалось. Скорее всего разбойники – а что это дело их рук не вызывало сомнение – успели всё почистить до появления князя.

На взгорке в ельнике крестьяне отыскивали ещё одного убитого – мужика в потрёпанном старом армяке, одетом поверх грязной армейской рубахи, в армейских таких же поношенных и грязных штанах, заправленных в щеголеватые, почти новые сапоги французского офицера-артиллериста. Судя по всему разбойника, коих немало шатается по лесу в эту лихую годину.

В глубине леса, недалеко от места драмы крестьяне обнаружили брошенный лагерь разбойников: рассыпанный порох, пули, остатки нехитрой крестьянской снеди, свежий табачный порох. По-видимому, разбойники напуганные приближением неожиданных свидетелей предпочли скрыться, бросив своего убитого товарища.

Недалеко от места перестрелки отыскалась коляска, а в ней убитый возница и раненный молодой человек, судя по платью, чиновник из мелкочинных. Молодой человек находился без сознания. Он тяжело, прерывисто дышал и изредка стонал.

– Ваше сиятельство Илья Ликсеич оставим его здесь, чего возиться, всё одно не жилец. Нешто с такой раной выжи-

вещь. – Предложил один из крестьян. – Вон и жар уже начался. Помрёт он скоро, а мы с ним проваландаемся, только время потеряем.

– Думай Егор что говоришь. – Резко осадил мужика князь. – Как можно человека, точно зверя лесного бросать. С собой забёрем. А коли преставится, хоть похороним похристиански.

Раненого молодого человека аккуратно уложили в телегу, соорудив из веток и лапника высокий упругий и одновременно мягкий топчан. Присматривать за ним вызвался Филипп и мальчонка – сынок одного из крестьян, увязавшийся в поездку за тятькой. Убитых дворян и возницу похоронили недалеко от дороги, отметив могилу общим крестом, дабы в дальнейшем отыскать её. Разбойника зарыли в глубине леса. Князь написал записку, в которой кратко изложил происшествие и отправил с ней молодого, резвого крестьянина к старосте близлежащего села.

Завершив скорбную миссию, снова двинулись в путь.

К вечеру, пройдя вёрст тридцать, вышли на берег реки Болвы к

небольшому уездному городку Спасову.

Несколько сотен одноэтажных деревянных домишек, спрятанных среди густой зелени садов живописным каскадом сбегали с высокого взгорка к берегу реки. Оставив свой отряд на постоялом дворе, князь отправился разведать переправу. Вверх по течению, недалеко от городского рынка

он обнаружил большой надёжный паром. Но паромщика при нём не оказалось. Пришлось князю подниматься по извилистой крутой тропе на вершину холма, где рядом с деревянной пожарной каланчѳй располагалась канцелярия городничего. Двухэтажное кирпичное, оштукатуренное и покрашенное сине-зелѳным колером здание, с приземистыми бочкообразными грузными колонами по фасаду и аляповатыми скульптурами невзрачного купидона и пышнотелой похотливого вида Венерой-кариатидой выкрашенными отчего-то ярко-жѳлтым кадмием – подарок родному городу местного негоцианта*:

большого ценителя изящного искусства....

– Всѳ сделаем, Ваше сиятельство. Не волнуйте-с.

Градоначальник Иван Константинович был не высок, малоподвижен, чрезвычайно тучен и бочкообразен как его колонны, и краснолиц, словно какой индеец. Город держал почти пятнадцать лет. Управлял не шатко не валко. Придерживаясь принципа «золотой середины», квинтэссенцией которого могла стать известная народная поговорка «и волки сыты, и овцы целы». За время властипридержания много врагов не нажил, но всѳ же.... Начальства боялся. Везде видел козни врагов. К появлению такого высокого гостя готов не был, а посему робел, изрядно волновался, отчего сильно потел и ежеминутно вытирал пот огромным батистовым платком.

– Сегодня не обессудьте, Ваше Сиятельство. Никак не смогу переправить. Тишка, скотина пьян, а другого паромщика нет-с. А завтра, по утру, извольте. Всё сделаем в лучшей форме. . . . И о происшествии доложу в уезд. Нынче человека и пошлю. Не сомневайтесь.

Распрощавшись с городничим, князь отправился на постоянный двор. Там он обнаружил Филиппа в обществе нескольких офицеров-фуражиров смоленского драгунского полка. Старый слуга пребывал слегка навеселе и с изрядной долей красноречия рассказывал о происшествии и об раненом молодом чиновнике. Офицеры тепло и любезно пригласили князя «поддержать честну компанию». Илья Алексеевич охотно согласился.

– Ваше Сиятельство, я вам вот что скажу, рана у молодца так себе – пустяк-с. Бывают и поинтересней. Вот случился у нас казус. Служил в полку капитан Пятаков. Большой, знаете ли, оригинал. Свинцовые пули на дух не переносил, а только железные. Рубака отчаянный. Бывало, только битвой за сто вёрст запахнет, а он уже в седле. Глазищи горят, что эти ваши свечи. Сабля наголо. А коли месяц, другой дела нет, с ним такая меланхондия случается, что и не описать пером никаким. . . . Так вот, будучи однажды в изрядной меланхолии и крепком подпитии, умудрился всадить себе пулю в голову. Прошла пуля снизу, через подбородок, прошла мозг, и вышла через череп. А пуля, как я упомянул, желез-

ная была. Мы думаем всё – представился молодчик. Ан, нет, выжил. Провалился в лазарете с пол годика и вполне здоров остался. Только после случая этого стал голоса ангелов слышать. Со службы ушёл, в монахи подался... Вот такие казусы в

жизни случаются... А тут ранка пустяшная...

Князь, размышляя о своём, слушал драгуна в пол уха.

– Да нешто такое возможно сударь? – Усомнился Филипп.

– Вот вам истинный крест. – В подтверждении своих слов драгун энергично перекрестился.

– Ежели позволите Ваше Сиятельство совет дать. Молодца надобно к

нам в Смоленск, али в Калугу, там тоже лазарет отменный. Вмиг на ноги поставят.

В Калугу не по пути – крюк приличный. Ничего в усадьбе старина Гюнтер почище лазаретов станет. Решил князь.

2.8

«... утром ухожу. Надеюсь добраться до Павловского дней за пять, шесть. Двигаться планирую через леса по известной тебе Игумновской дороге. Открыто с таким грузом идти опасаясь, да и не получится. Все пути теперь мало-подвижны по причине скопления войск и беженцев. За меня не волнуйся. С собою беру надёжных мужиков, так что разбойников не опасаясь.

Более всего князь Михаил беспокоит меня теперь мысль: правильно ли я поступаю, бросая в это тревожное время кров наш родовой. Много передумал я на счёт сей, и всё более склоняюсь к мысли, что поступаю верно. Нельзя позволить врагу разорить род наш.

Но не только это заставляет меня на старости лет покидать свой дом. Некоторые известные тебе люди доверили мне свое ценное имущество. Я взялся помочь этим людям, дабы спасти их от неминуемого разорения....»

Наш отдел, как выразились бы в древности, «стоит на ушах». Из расшифрованного блокнота получается, что князь движется в моём юго-восточном направлении, и оно теперь остаётся неприкрытым....

Вот и настала моя очередь включаться в операцию.

Предстартовая подготовка завершена. Меня уже отсканировали, грузовая капсула загружена, и теперь я бесцельно слоняюсь в секторе карантина. Это самое невыносимое время во всей операции. Каждая минута длится бесконечно долго, время словно замедляет привычный ход. Специалисты говорят, что это действие силового поля при «раскачке» генератора. Не знаю, наверное, это так, но я думаю, что дело в живущем в глубине подсознания генетическом страхе перед неизвестностью. При этом сам процесс перемещения не запоминается. Ты просто помещаешься в гермокапсулу, и через мгновение уже локализуешься в нужном времени и месте. Но эти томительные часы ожидания даются тяжело.... Нам ещё повезло. Когда-то давно оператору пришлось ожидать почти неделю пока технические службы подготовят оборудование перемещения. Наш шеф Густав помнит ещё время, когда карантин длился сутки....

Интересно, как там ребята. Они не знают, что блокнот успешно расшифрован и теперь мы с ними поменялись местами. Их направления сделались второстепенными, а моё из вспомогательного превратилось в стратегическое. Об этом никто из наших аналитиков серьёзно не предполагал, потому что в исторических документах имя сестры князя Натальи Алексеевны, доставшееся ей от покойного мужа нигде не упоминалось.

Хорошо, что блокнот расшифрован....

2.9

Едва процессия скрылась в лесу, и усадьба затихла, из боковой

калитки вышел человек и крадучись, часто озираясь по сторонам, двинулся к старой кузне. Скоро его поглотил предрассветный туман.

Днём обнаружилось, что исчез садовник Порфирий.

Дворовые искали его везде, но найти не смогли. Не появился он и к вечеру. Не объявился и утром.

Княгиня Мария Павловна не на шутку встревожилась. Она знала

наверняка, что Илья Алексеевич не планировал брать с собой Порфирия. Что-то подсказывало ей, что исчезновение садовника не к добру. Утром выяснилось следующее обстоятельство – пропала коляска молодого князя и лошади. А вечером староста из села Пригородово сообщил, что мужики видели за дальними лугами направляющийся на запад экипаж. И даже, вроде бы, узнали садовника.

У зарёванной служанки Порфирия Алёны выпытали, что садовник

утром прошлого дня тайно отправился куда-то, пообещав по возвращению

сделать ей, Алёнке, «презенту»....

Новость эта вызвала у старой княгини тревогу.

– Не к добру это. Чуюло моё сердце беду. Что делать?..

Надо князя как-то предупредить.

– Чай теперь его, матушка, найдёшь. Кто же знает где батюшка Илья Алексеевич. А ты матушка не убивайся. – Утешала княгиню старая ключница Татьяна. – Не кручинься, Господь добрый, не выдаст.

Княгиня сидела в зале, зябко кутаясь в шаль. Здесь же собрались почти все дворовые слуги.

– Матушка Наталья Павловна может, Степашку моего пошлём? – Предложил повар Матвей. – Он с князем Ильей Алексеевичем много раз в губернию ездил, и в Калугу, и в Тулу. Все окрестности знает. Глядишь – и найдёт батюшку Илью Алексеевича.

– Нет, голубчик, как Господь распорядится, так и будет. А мальчонку риску подвергать не станем. Довольно Ильи Алексеевича.

И старушка беззвучно зарыдала....

2.10

Я вижу вспышку откуда-то справа, из глубины густо заросшего кустарника.

Я вижу летящую в мою сторону пулю. Она круглая, свинцовая и горячая. Она всё ближе и ближе ко мне. Пуля летит, как мне кажется, медленно-медленно и я чётко прослеживаю траекторию её движения. Пуля летит прямо мне в грудь. Туда где в предвидении конца неистово колотится сердце. Я хочу отклониться, но не могу. Какая-то чудовищная сила сковала меня. Не даёт пошевелиться.... А пуля все ближе и ближе. Вот сейчас она пробьёт тело, разорвёт и обожжёт кожу, мышцы, кровеносные сосуды и мягкие ткани, расплющится об кость, сломает её, прошьёт сердце и всё: конец, темнота, ничто....

И вдруг я обретаю возможность двигаться и в последний момент отклоняюсь от пули. И на душе становится легко и свободно. И я смеюсь. Смеюсь долго. До слёз. Я смеюсь и не могу остановиться.... Мне легко... и, почему-то очень жарко....

Но вот из сумрака лесной чаши появляются тёмные силуэты. Они движутся на

меня. Их много. Очень много. Этих страшных, монотонно движущихся сквозь чёрный лес зловещих фигур.... На серд-

це сразу сделалось тревожно, нет, жутко....

Но, вот чёрные фигуры вышли на свет....

Господи, это же Белый отряд сэра Найджела. Сам сэр Найджел пожаловал сюда, чёрт побери. Странно, мне казалось, что старый рыцарь давно превратился в тлен.... Нет, это без сомнения он. Я узнаю его коренастую фигуру в старинных доспехах на огромном белом коне. Я узнаю его людей. Вон, кажется Чёрный лучник Том из Нориджа. Я узнаю гербы на развивающихся штандартах, белоснежных сюрко* и щитах. Сэр Найджел без шлема, в кольчужном капюшоне, из-под которого выбиваются пряди длинных седых волос. Загорелое и обветренное лицо старого рыцаря сурово, его глаза недобро смотрят на меня....

А это что за шумная ватага оборванцев шествует рядом с отрядом сэра Найджела?..

Какие-то незнакомые..., а может всё же знакомые стрелки?..

Ба, да это безбашенная шотландская рота «Веселых мертвецов» капитана

Холмса. А вот и сам пропойца и весельчак Даг Холмс с огромной, как тогда при Ватерлоо, дырищей в брюхе. Старина Даг собирает свои вываливающиеся в дорожную пыль кишки, манит меня жёлтым от трубочного дыма пальцем и ехидно смеётся....

И возглавляет всё это дикое воинство Великий Инквизитор*. Он сверлит меня

своими страшным, безумным взглядом, кажущимся ещё более жутким из-под черноты капюшона, протягивает мне санбенито* и в параноическом экстазе шепчет: «Всё. Тебе конец ублюдок Сатаны. Будешь знать, как заступаться за проклятого еретика Бруно. Тебя ждёт та же Гиена огненная, что и его. Проклятый долговязый грешник. Ты так же сгоришь на Великом Костре Очищения, как и он. И память сотрёт твое мерзкое имя».

Его Святейшество поднимает мушкетон* крупного калибра и целит в меня, прищурив один глаз. Другой же, полный нечеловеческой злобы и ненависти совмещает мушку оружия со мной, и я вижу восьмигранный ствол с отверстием крупного калибра, смотрящим прямо мне в лицо. Оцепенев от ужаса, я жду появления вспышки.

Рыцари сэра Найджела громко и страшно режут и гремят оружием, а

«Мертвецы» Дага Холмса, мои же товарищи, целятся в меня из своих длинноствольных штуцеров*....

Я вижу вспышку.... Я вижу медленно летящую в меня круглую свинцовую пулю. И ещё одну, и ещё, и ещё, и ещё....

Я вижу тёплое бескрайнее небо. Я слышу мирное поскрипывание колёс.... Я слышу голоса.... Господи, неужели я жив!..

Всё-таки, я удивительно невезуч. Патологически невезуч. Фатально. Многие мои коллеги, имея стаж «перемещений» значительно больше моего, доживают до преклонных лет, так и не узнав, каково оно самое безобидное ранение. А у меня редкая операция заканчивается без неприятностей.

Взять хотя бы тогда, при Ватерлоо. В обозе, где нет, казалось бы, никакой опасности и французы ещё далеко, напороться на палаш этого безумца Холмса. Напороться по глупости. Просто Даг к тому времени пребывал в таком состоянии опьянения, что попросту не узнал меня и принял за лазутчика французов....

Впрочем, главное я жив. А остальное – наживное. Микророботы залатают....

2.11

Выйдя за ворота усадьбы и сделав на всякий случай приличный крюк вокруг поля, через дальний лес Порфирий спустя полчаса добрался до старой заброшенной кузницы. Там его ждала верная Алёнка, коляска и лошади....

С каждой пройденной верстой настроение у Порфирия делалось радостнее и на душе становилось легче. От утренних страхов не осталось и следа. Теперь он ни на йоту не сомневался, что всё сложится, так как он задумал.

А началось всё две недели назад, в тот ничем не примечательный день, когда к князю съехались окрестные помещики....

В тот судьбоносный день, а, более, вечер внешне всё происходило как обычно. Но визит гостей оказался неожиданный, по крайней мере, никаких распоряжений на сей счёт княгиня Наталья Павловна дворовым не давала, и стол собирали наспех. И что уж совсем оказалось выходящим из правил – за столом гостям никто не прислуживал.

Гости и раньше, до войны частенько собирались у князя. Но к этому готовились заранее, чуть ли не за неделю. Готовились, тщательно. За этим следила сама княгиня. Все в уезде, да что в уезде – в губернии знали княжеское хлебосольство и радушие.

В тот день по счастливой оказии Порфирий Матвеевич находился в

усадебной библиотеке, изучая пришедший недавно князю труд по садоводству известного французского придворного садовода Андре Ленотрэ, и *visite surprise** помещиков насторожил его. Насторожила и атмосфера какой-то таинственности, ведущиеся вполголоса тихие разговоры и серьёзные лица помещиков.

Порфирий Матвеевич исхитрился, подслушал, и тотчас сообразил, какая удача свалилась к нему в руки. И если правильно распорядиться ею – конец зависимости, бедности....

Нет, на князя он не в обиде. За почти двадцатилетнюю службу слова худого от князя не слышал. Барин Илья Алексеевич добрый, живётся у него легко, платит хорошо и «пензию» в старости обещает....

Только Порфирию Матвеевичу уже сорок восемь. Не за горами старость. Что ждёт его впереди? С семьёй у Порфирия Матвеевича не сложилась. Любимая Настюша, четвёртый год как преставилась. Детей им Господь не дал. Алёнка, девчонка-прислуга хоть и привязана к нему, да это не то. А он ещё не стар. Годков десять мог бы пожить в своё удовольствие. Забыть о службе. Завести свой домик где-нибудь подальше: во Франции, или в Италии. А в домике хорошенькую молоденькую страстную *mademoiselle*. Путешествовать, мир посмотреть....

За годы, проведённые на службе у князя Порфирий Матвеевич так и не смог привыкнуть к родине, с её унылыми осенними дождями, бесконечными тоскливыми короткими зимними днями, обжигающими морозами, перехватывающими дыхание метелями.

Заброшенный волею судьбы в юном возрасте на чужбину он страстно полюбил чужое бескрайнее голубое небо, тёплое безбрежное море, ослепительное солнце, чернооких весёлых податливых мамзелей и сеньорит, так не похожих на росейских забитых крепостных девок. И свободу, свободу, свободу....

Все эти годы снится ему Франция, Париж, Италия, Флоренция, Сиена. Долгими зимними ночами он вспоминает беззаботные годы юности. Великого маэстро Урбини научившего его садовому искусству.

Теперь Господь посылает ему шанс, и грех им не воспользоваться. А может это не Господь, а Дьявол?.. Но прочь сомнения. Мосты сожжены, Рубикон перейдён и обратной дороги нет.

2.12

Я смотрю на экран монитора и не могу сосредоточиться. Меня о чём-то спрашивают коллеги, я что-то им механически отвечаю, но мои мысли далеко отсюда. Я чувствую, что с Виком что-то произошло, что он в опасности. Я не могу объяснить причину тревоги, но почему-то ноет сердце и на душе неспокойно. Я даже не знаю где

он теперь, в каких закоулках времени его носит, какая опасность нависла над ним....

Господи, помоги ему! Пусть он вернётся. Пусть вернётся скорее....

Ну почему у него такая дурацкая работа. Миллионы людей спокойно живут без «перемещений», без риска, опасности и сомнительных приключений. И ничего, вполне комфортно себя чувствуют. А этот блаженный пашет на свой Институт, да ещё и доволен....

Всё, если вернётся, заставлю подать рапорт, пусть меняет свою идиотскую работу.... Если вернётся? Господи, пусть он вернётся. Пусть, только возвращается, больше мне ничего не надо. Пусть занимается своими «перемещениями». Пусть торчит неделями в Институте. Пусть. Только бы он вернулся.... Вик, любимый, возвращайся.

Возвращайся, я жду тебя. Ты же знаешь, как ты нужен мне....

Кажется, через неделю после нашего знакомства я впервые попала на концерт его команды. Раньше я никогда не слушала подобную старинную грохочущую музыку. Шла сумасшедшая скоростная композиция, но я почти не слышала её. Я смотрела на Вика, казавшегося карликом среди бесчисленных барабанов, барабанчиков, барабанищ, тарелок и тарелочек, окружавших его и нависавших над ним подобно живым фантастическим монстрам. И со стороны казалось, что Вик не играет на безобидных музыкальных инструментах, а отбивается от полчища врагов. И в его руках не простые деревянные палочки, а страшное беспощадное оружие.

Помню, я как замороженная смотрела на мелькающие в полутьме палочки в его руках, на его лицо сосредоточенное мокрое от пота и при этом какое-то счастливое. И капли пота при каждом движении головы весело разлетались вокруг. Это выглядело смешно и походило на отряхивающуюся мокрую собаку. И в тоже время это не было смешным, потому что за этим скрывался тяжёлый труд, из которого вырастало нечто мощное, совершенное и завораживающее. И в этом весь Вик – самозабвенный трудяга. Бесплезно требовать от него другого. Я, наверное, и люблю его за это. По крайней мере, другим я его не представляю....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.